

Дом для Морского Рыцаря

Глава 1

Эрми в гостях у Майи

Юный Эрми де Марин сидел на песочном пригорке, недавно намытом приливной волной. Он любил приходить сюда на закате и любоваться горсткой домов, которые стояли в этой части морского берега. Они были яркие, разноцветные и очень уютные с виду. Красные черепичные крыши переходили в белые стены с бирюзовыми или коралловыми ставнями окон, за которыми висели лёгкие занавески с маргаритками, анютиными глазками или какими-нибудь другими изображениями цветов. По стенам домов вился плющ, над дверями висели ключики, подковы, якоря или другие маленькие милые предметы. Иногда на домах было что-то нарисовано: то симпатичная русалка, то весёлый матрос, то корабль или чайка... Дома были похожи между собой своей оригинальностью, но каждый дом был неповторим. И жили в них красивые, радостные люди, которые иногда выходили на берег, а на ночь возвращались в свои чудесные жилища. Эрми никогда не общался с ними, он сразу же убегал, когда кто-то из них показывался на берегу. Ему было стыдно за свой серый, невзрачный домик, и он мечтал о таком же домике, как у этих счастливых людей.

Собственно, ведь с этого всё и началось. С того, что маленький рак-отшельник когда-то осознал уродство своего домика и сбросил его. Но жить без дома он не мог, поэтому и стал подбирать чужие дома – сброшенные раковины моллюсков. Но и они тоже не были насколько красивы и уютны, чтобы в них хотелось остаться. Его нелепая жизнь состояла в постоянном поиске нового, более уютного жилья, но всё это было лишь времянками, своего настоящего дома он найти не мог и уже отчаялся это сделать. Он,

потомок богатого, но давно разорившего рода де Маринов, основателем которого был барон Рак де Марин, существовал где-то на границе моря и суши, одинокий мизантроп, ни к кому никогда не подходил, ни к людям, ни к морским обитателям. Когда он бывал в море, то посещал только «Креветка-кабаре», где стройные королевские креветки отплясывали свой подводный канкан, а пронырливые угри-официанты приносили стакан настойки на ламинарии. Ещё он ходил к старьёвщику Краббсу фон Барыгану, у которого иногда можно было найти какую-нибудь раковину, и тратил на неё остатки своего скудного наследства. Иногда там попадалось что-нибудь диковинное и интересное, и тогда Краббс откладывал это для юного потомка знатного морского рода.

А некогда и у них был свой великолепный дом, в котором они все собирались. Он был похож на сказочный замок, украшенный кружевами кораллов. До соседних морей расходились слухи об обильных пирах этого дома, на рыцарские турниры приезжали с противоположного конца Земли... Но всё это осталось в далёком прошлом. Времена менялись, жить становилось всё опаснее и дороже, поэтому детям Рака де Марина пришлось поменять уютное родовое гнездо на более практичные скромные раковинки. Тусклые, скучные, однотипные, зато безопасные. С тех пор год за годом они становились всё более угрюмыми, необщительными, так что их стали называть не просто раками, а раками-отшельниками. Вот, что делает с живыми существами отсутствие их настоящего Дома.

Проснувшись, Эрми, как и всегда, скорбно погляделся в морскую гладь. Оттуда на него смотрел монстр. Глупости, что это способно защитить от врагов. Тоже могут убить. Не из-за красивой ракушки, а чтобы своим уродливым видом не портил настроение. Такие не вызовут жалости и желания сохранить красоту. Хотя нет. Он скорее сер, чем уродлив. Незаметная

посредственность. Это даже ещё хуже. И Эрми отшвырнул от себя надоевшую чужую раковину. К тому же она натирала ему в плечах. Он осмотрелся: ни одной раковины в округе не валялось. Надо было идти к Краббсу.

– Здравствуйте, герр фон Барыган!

– Здравствуйте, Марин! – не сказать, что Краббс был груб с Эрми, но и особого расположения к нему не выказывал, придерживаясь обычно суховатого делового тона. Ему был немного смешон этот угрюмый рак с кучей комплексов. Но он терпел его, потому что тот был постоянным клиентом его лавки. Хоть и очень придирчивым: обычно он подолгу нудно примерял новые раковины, а потом мучительно не мог ничего выбрать. Эрми чувствовал это отношение, и с не очень-то большой охотой ходил к старьёвщику. Но когда не оставалось других вариантов, только на это место была у него надежда. Он знал, что если сам не смог найти на берегу ни одной раковины, то, вероятно, старый фон Барыган уже успел собрать их.

– Герр фон Барыган, нет ли у Вас сегодня чего-нибудь для меня?

– А как же, есть, – ответил дородный краб. – Вот, посмотрите на этой полке – несколько новых раковин.

Эрми с возрастающим разочарованием обвел полку взглядом.

– Но здесь всё то же самое, что было и в прошлый раз, герр Барыган.

– Уверяю вас, молодой месё Эрми, это новое поступление. Просто, как вы знаете, все раковины типовые, очень сложно найти среди них такие, которые бы сильно отличались от остальных. Возможно, поэтому вам кажется, что вы это уже видели, – подчёркнуто терпеливо ответил фон Барыган и уткнулся в смету доходов.

Эрми же вообще показалось, что часть этих раковин он уже носил, а Краббс просто подобрал их, когда он их скинул. Краббс был вполне способен на такое: дважды, а то и больше, продать один и тот же товар одному и тому

же покупателю. Особенно Эрми.

Эрми стало очень грустно. Он не хотел снова покупать такую же раковину, от которой только что избавился. Конечно, если бы он был в более доверительных отношениях с Барыганом, он бы рассказал ему сейчас о своём внутреннем состоянии, о том, как ему надоели эти однотипные дома-раковины, как он хочет настоящий дом. Он никогда не видел дом, в котором жили его предки, только слышал рассказы о нём. Он видел только те дома на берегу, и именно таким в его представлении был идеальный дом – яркий, цветной, похожий на радугу! Но он нигде такие не встречал. Краббсу было бесполезно это объяснять. По правде говоря, хозяин лавки недоумевал, что ещё нужно этому невзрачному рачку. Слишком много притязаний. Зачем выпендриваться, если можно спокойно ходить в твердой, надежной раковине? Ну рожден ты ходить в такой, вот и ходи. Краббс не застал годы величия де Маринов, и ему не особо верилось, что там могло быть что-то особенное. Он считал постоянную возню Эрми с раковинами чудачеством и завышенными, необоснованными притязаниями на родовитость.

Что делать? У Эрми не было выбора: или ходить совсем бездомным, или снова возвращаться в убогую раковину.

Он бочком пробирался вдоль полок магазина и вдруг заметил одну странную вещь: она была похожа на раковину, но словно бы сделанную из другого материала. В ней были какие-то блестящие разноцветные камушки, в которых играли и переливались лучи света. Казалось, будто в этих камушках живёт радуга. Эрми заворожено изучал диковинную вещицу. Потом он подошел к ней и попробовал приподнять. Но она оказалась довольно-таки тяжелой. Он влез в неё. Она была ему впору. Маленький рак сделал несколько шагов, но эта штука была настолько тяжелой, что он оступился и что-то задел. Последовал грохот.

– Что там делает этот глупый рак? – пробубнил Краббс и направился к месту

происшествия.

– Месьё Эрми, вы решили разгромить мой магазин? – пробасил старый краб. – Если вы не нашли себе здесь ничего подходящего, это не значит, что надо уничтожать то, что вам не нравится.

Маленький рак с трудом приподнял голову из-под тяжелой штуковины и сказал:

– Простите. Я просто увидел эту странную вещь и решил примерить её. Она очень похожа на раковину и нравится мне. Что это такое?

– Понятия не имею. Мне принес это накануне странствующий кальмар. Я не знаю, каково назначение этой вещи, но что-то мне подсказывает, что она довольно-таки дорогая – видите эти блестящие разноцветные камушки?

– Да, именно из-за них она мне и понравилась. Я бы даже купил её.

– Но к чему она вам и зачем вы туда залезли?

– Я хотел бы использовать её вместо раковины.

Краббс усмехнулся:

– Конечно, ваше право... Но вам не кажется, что она тяжеловата для этого? Вы и сейчас еле стоите на ногах и всё роняете. Что будет, если вы станете ходить в ней постоянно? Она попросту вдавит вас в песок. Нет, ваше дело, конечно. И ваши деньги...

– Ну раз мои, то я хотел бы купить эту необыкновенную раковину.

Краббс ещё раз усмехнулся, сказал: «Ваше дело» и пожал плечами.

Эрми достал пачку чешуек, которые были здешней валютой.

– Этого хватит?

– Эрми, дорогой, вы что, издеваетесь? Я не отдам эту вещь так дёшево. Не столь часто на дно морское попадают такие изысканные безделицы. Я хоть и краб, но знаю толк в драгоценностях. Пару раз мне доводилось видеть предметы с затонувших кораблей – они были похожи на этот, так же тяжелы и

украшены блестящими камнями. Они нашли своего покупателя в лице великого Посейдона. Он приобрел их для своих дочерей, русалок. Честно говоря, я ещё не определился, что буду делать с этой вещицей, может быть, я тоже предложил бы её самому Посейдону... (По правде говоря, до визита Эрми старый краб сомневался в ценности этой вещи. Но, раз она кому-то так нравится, надо было не упустить случая набить ей цену. Для этого он прибегал ко всем известным в сфере эффективных продаж уловкам).

– О нет, герр фон Барыган! Прошу вас, продайте её мне! Скажите, сколько бы вы хотели за неё?

– Ммм... Ну, скажем, 10 000 чешуек. Но не серебряных. Золотых.

Эрми задумался. Это почти всё, что у него оставалось. Если он сейчас потратит их, то всю оставшуюся жизнь ему придется ходить в этой штуке, как рыцарю в доспехах, если, конечно, случайно не найдется какая-нибудь простая раковина. Но он и не хотел простой раковины! Хоть эта вещь была тяжела, но она была прекрасна! И он ответил:

– Я согласен.

Эрми отдал все чешуйки, что у него были, и пополз к выходу.

– Вот чудак! – неодобрительно фыркнул ему вслед Краббс, тщательно пересчитывая полученные чешуйки.

С тех пор Эрми ходил в этой странной тяжелой раковине. Все восхищались её красотой. И только Эрми знал, как тяжело её таскать. Из-за этого он старался как можно реже куда-то перемещаться. Однажды он зашел в «Креветка-кабаре-бар», и к нему под села одна его старая знакомая креветка по имени Лиза. Она тоже стала восхищаться его новым красивым домиком. Эрми не знал, что на него нашло, может быть, это подействовал стакан ламинарной настойки, но он вдруг разоткровенничался с Лизой и признался, что ему очень тяжело таскать на себе этот домик. На что на ответила:

– Знаешь, я слышала, давным-давно, когда ещё были рыцари и твои предки устраивали рыцарские турниры, доблестные воины так и ходили. Они были благородны, сильны, смелы, преисполнены достоинства, но их доспехи были невероятно тяжелы. Но они и виду не подавали. О, это так романтично! Ты теперь так похож на рыцаря!

С тех пор с легкой руки криветки Лизы Эрми получил прозвище Морского Рыцаря. Все знали, что вот он идет, Морской Рыцарь, что он тащит на себе этот груз, как будто снова возвратились времена его предков. Да, ему было тяжело, зато сейчас он чувствовал, что это его. По крайней мере, в большей степени свое и родное, чем предыдущие домики. А если быть собой так тяжело, так что ж, пускай. Он привыкнет. А мог ли он найти что-то по-настоящему своё, в чём он чувствовал бы себя в своей шкуре и не хотел бы сбросить, он не знал. И продолжал тащить этот прекрасный крест.

Однажды Эрми в очередной раз выбрался на берег. Он посмотрел в сторону разноцветных домов – они были все так же привлекательны, но недоступны для него. Во дворе одного из домиков было шумно и весело, к кому-то пришли гости, – Эрми знал, что эти дома редко пустуют, туда постоянно кто-нибудь приходит, люди очень любят туда ходить. Ещё бы!.. – Чего это я грущу? – вдруг поймал себя на мысли Эрми. – У меня же есть свой красивый, даже роскошный дом! А я продолжаю засматриваться на эти чужие дома... С чего это? Нет, надо уходить отсюда.

Он отвернулся и пополз к морю, к дорожке заката. Он полз, и песок проседал под ним. Но Эрми старался не обращать на это внимания, как и все существа, которые после долгих мучений обрели что-то и старались не замечать недостатки этого, даже если таковые имелись. Иными словами, занимались самообманом. Вот и он говорил себе, что всё хорошо, что то хорошее, что он обрел, значительно перевешивает все неудобства...

Вдруг он услышал за собой шаги. О ужас! Как же он раньше их не слышал??? Неужели он настолько задумался, что не заметил приближения другого существа? Что теперь делать? В тяжелой раковине он не мог передвигаться быстро. Он попытался, но понял, что чем быстрее он движется, тем сильнее увязает в песке. До моря осталось совсем немного, ещё чуть-чуть, поскорее бы... Но он не успевал, шаги были всё ближе. Частые, бодрые шаги. Что делать? Скинуть раковину и бежать самому? Но он слишком много за неё отдал и выстрадал, чтобы оставить её. Она может исчезнуть, да, так, скорее всего, и будет, и тогда его жизнь лишится смысла. Лучше уж умереть в этой раковине. И он замер на песке. Шаги тоже замерли. Что-то наклонилось над ним.

- Что это такое? – послышался мелодичный голосок. – О, это же мой кулон!!! Я потеряла его, когда купалась несколько месяцев назад.

И Эрми почувствовал, как он куда-то возносится. Он попытался высунуться, чтобы разведать обстановку, но обнаружил, что его ракушка крепко зажата в чем-то теплом, с резким, не очень приятным запахом, похожим на запах бензиновых пятен, появляющихся иногда на морской поверхности. Снова послышались шаги, и он понял, что его куда-то несут. «Что будет?» – с затаённым ужасом думал наш Рыцарей Морей. Тут он вспомнил, что говорила обладательница шагов. Какой-то кулон... Кажется, она назвала его «кулоном». Что это такое?

Тем временем шаги замедлились. Послышалось хлопанье дверей, какие-то голоса... Тот, кто нёс его, куда-то заходил. Неужели... «Неужели это одна из обитателей тех чудесных домов?» – вдруг осенило рака-отшельника. Он почувствовал какую-то тряску, потом услышал хлопок ещё одной двери, скрип, после чего рука резко разжалась, и он в своей раковине со стуком приземлился на какую-то поверхность. Затем дверь хлопнула ещё раз, послышался звук шагов на лестнице и снова какие-то голоса внизу.

Какое-то время Эрми сидел в раковине, не решаясь высунуться. Но было тихо и никто пока не появлялся. «В конце концов, что это я? Потомок рыцарей, достославный Рыцарь Морей. Я должен быть смелым!» - подумал Эрми де Марин и робко высунул клешню, затем вторую... И бочком сделал короткую перебежку. Помех для движения не было, воздух, по его ощущениям, был не опасен, хотя немного более сух, чем у самого моря. И храбрятка Эрми высунул свою голову. «Ах!» Да, это был один из тех прекрасных домов! Во всю стену, от пола до потолка, было окно с теми самыми цветастыми занавесками. За окном синело море, вдалеке виднелись паруса. Комната была полна света и нежности, настолько прозрачны и легки были её цвета. И самое главное – на стенах висело множество картин, изображавших море в разное время суток, корабли, красавиц-русалок... «Так вот откуда рисунки на стенах снаружи, которыми я любовался, сидя на берегу!» - подумал Эрми. И продолжил оглядывать комнату. Ему здесь очень нравилось, он даже поздоровался с пышным кустом азалии, росшим на окне. Холёная Азалия снисходительно кивнула.

Тут он понял, что сам лежит на столе, сбоку от которого стоит мольберт. А на мольберте – ещё не законченный рисунок, пока непонятный, представляющий собой какой-то нежный вихрь красок. На полке стояли книги, на их корешках блестели вязи каких-то надписей. Рядом с книгами лежала горсточка ракушек и стояли песочные часы. В углу под сиреневым пологом была кровать, застеленная клетчатым пледом, а на потолке были нарисованы звезды.

Ещё на стене висели фотографии, и среди них была фотография одной девочки. Эрми видел её несколько раз на берегу. Она часто гуляла там, любовалась закатом, задумчиво смотрела на лунную дорожку, сидя на большом камне. Она делала какие-то наброски у себя в блокноте, мечтательно вглядывалась вдаль. Эрми всегда любовался ею. Она была немного томной и

печальной, но в то же время от неё исходили свет и нежность. Больше всего она любила надевать длинную папину тельняшку поверх своего любимого платья кораллового цвета. На голове у неё чаще всего бывала широкополая соломенная шляпа, из-под которой на плечи спускались полурасплетённые косички. На ногах её были белые носочки и босоножки, или вообще она гуляла босиком. Она была очень красивой, и Эрми даже мечтать не мог, чтобы с ней познакомиться... На фотографии она была примерно в таком же виде, фотография была прекрасна, но полностью передать очарование юной художницы она оказалась бессильна.

Слева от этой фотографии стояла ещё одна – на ней рядом с девочкой сидел мальчик, и они строили замок из песка. Пшеничные волосы мальчика растрепал легкий морской бриз, на загорелом лице проступали веснушки, а взгляд зелёных глаз был открыт и лучист. Оба улыбались.

Эрми долго любовался и этой фотографией, потом перевел взгляд дальше, и увидел модель корабля. Большую, с разноцветными парусами, даже с маленьким якорьком, точь-в-точь похожим на настоящий – настолько детально она была продумана. На борту корабля большими белыми буквами было выведено название – «Майя».

Здесь было множество удивительных вещей, но всё же комната, как и фотография, была бессильна передать всё богатство внутреннего мира своей хозяйки, хотя Эрми чувствовал душу этой девочки здесь – она была повсюду: от готовых картин, развешанных по стенам, до тюбиков краски и кисточек, лежавших на столе.

А вот и сама хозяйка. Дверь приоткрылась, и девочка вошла в комнату. Эрми снова спрятался в раковину и затаился. Девочка подошла к мольберту, взяла кисточку и стала рисовать. Она нежно и аккуратно наносила мазки, как будто ласково и игриво прикасалась пальцем к носикам каких-то животных. Всё это время Эрми осторожно наблюдал за ней из раковины. Через пару

часов она наконец вынырнула из своей работы, отошла от мольберта, посмотрела оценивающим взглядом на незавершённую картину... Потом обвела рассеянным взглядом комнату и как будто что-то вспомнила. Она приблизилась к столу. Эрми еле успел спрятаться, как почувствовал, что его снова взяли в руки.

– Мой серебряный кулончик! – снова сказала девочка. – Всё-таки какой хороший сегодня день! Я уж и не думала, что найду его.

Она достала шкатулку, вытащила из неё серебряную цепочку, надела на неё кулон и повесила себе на шею. Эрми так и не был обнаружен. Он сам не знал, чего боится больше: что пострадает сам или что напугает девочку своим безобразным видом. Она выглядела такой доброй, что он был почти уверен: ему не причинят вреда, а вот он вполне мог напугать её. И он решил до поры до времени затаиться в раковине на шее у девочки. Она же какое-то время посидела у окна, делая какие-то записи в тетрадке. Потом её взгляд устремился на заходящее солнце. Она загрустила. «Сегодня хороший день, – прочитал Эрми в тетради. – Гуляла на побережье, нашла свой любимый кулон, подарок Ами. Я уже думала, что совсем его потеряла... А вот Ами я, кажется, потеряла насовсем. Где он сейчас? Почему они уехали отсюда? Здесь так хорошо... И почему он не пишет мне, как обещал? Может быть, на новом месте жительства у него появилась новая подруга?

А ещё я сегодня рисовала. Я погрузилась в работу на несколько часов. С каждым разом у меня это получается всё лучше и лучше. Но чтобы стать настоящим художником, мне ещё работать и работать. А как мне хотелось бы принести кому-нибудь пользу своим трудом! Как приносят моряки и врачи... Неужели же моё ремесло бесполезно? Да, все говорят, что мои картинки милы, что их можно вешать на кухне, что я могу разрисовывать дома... Но что это даёт? Только красоту. А врачи спасают людям жизнь! Как бы мне хотелось, чтобы и моя работа спасала кому-то жизнь! Какой одинокой и

ненужной я себя порой чувствую...».

Эрми очень хотелось утешить девочку. Он хорошо понимал её, ведь тоже часто чувствовал себя одиноким и ненужным. Вот ему и стала понятна грусть этой светлой девочки. Но как такие добрые, красивые, юные люди, живущие в таких красивых домах, могут быть столь неприкаянными? Ладно он, ведь он настоящий монстр, и не удивительно, что он так одинок. Но он ещё не знал, что сплошь и рядом красивые и добрые люди бывают одинокими и неприкаянными...

Когда стемнело, девочка легла спать, под свой волшебный сиреневый полог. Эрми тоже заснул.

На следующий день девочка снова рисовала, гуляла по берегу. А Эрми думал, как от неё сбежать, чтобы она его не заметила. Он уже был готов отдать свою раковину, ведь сильно привязался к девочке и полюбил её. Потому и был готов отдать самое дорогое, он же мог найти самую-самую простую раковину на свете и жить в ней. Ведь теперь его дом был тут, рядом с девочкой, в этой комнате, в её мире, и он мог мысленно возвращаться сюда когда угодно. Теперь в его жизни появились вещи, имеющие гораздо больший смысл, чем наличие своего красивого домика, и этот смысл стал его настоящим домом.

Но сбежать не удавалось. И он даже не подозревал, какая ужасная идея пришла в голову девочке! Она вдруг подумала: а не выросла ли в этом кулоне жемчужина, пока он лежал на дне морском? Она сняла с шеи цепочку, взяла в руки кулон и стала трясти его...

Эрми держался из последних сил, видит Морской бог, он сделал все, что мог, но такова судьба – его падение на стол было неминуемо. Девочка взвизгнула и отскочила. «Ну вот, это конец, – подумал Эрми. – Сейчас она убежит и в лучшем случае вернется с жестяной банкой, в которую посадит меня и выкинет на песок...» Но девочка приблизилась к столу и сказала:

- Кто это тут у нас? Господи, как я испугалась. А это всего лишь ракотшельник! Вот забавно! Как он сюда попал?
- Привет! – сказала девочка, наклонившись к Эрми.
- Здравствуй! – ответил смутившийся Эрми.
- Так всё это время ты сидел в кулоне?
- Да... То есть нет... То есть...
- Ничего себе! А я даже не подозревала. Так ты ещё на берегу был там. Это ты мне вернул его с морского дна!
- Нет, мадемуазель, я всего лишь...
- Спасибо тебе большое! Как тебя зовут?
- Эээ... Эрми де Марин.
- Какое красивое у тебя имя. Прямо как у рыцаря. А меня зовут просто Майя.
- У тебя тоже очень красивое имя! И вообще, ты очень красива, юная Майя! Всё это время, прости, я наблюдал за тобой... Я не должен был этого делать, я должен был сразу выдать себя, но боялся...
- О нет, и вовсе я не красива. Я просто очень люблю жизнь и восхищаюсь этим миром и его творениями. Вот ты, например, очень интересное существо. Но как ты попал в этот кулон?
- Ох, это долгая история...

И Эрми рассказал Майе о своей жизни. О своих предках, о своей бездомности, о том, как постоянно любовался их домами, как несколько раз видел её, но боялся познакомиться. Удивлению Майи не было предела.

– Даа, ты настоящий Морской Рыцарь! Я счастлива, что познакомилась с тобой! Если хочешь, оставайся у меня жить! Будешь моим ручным ракотшельником, хочешь, я тебе даже отдам этот кулон.

– Даже не знаю, Майя. Ведь он очень дорог тебе как подарок. Кстати, расскажи мне об этом кулоне.

– Это серебряный кулон, Эрми. Поэтому он такой тяжелый. А в него

вставлены маленькие цветные камушки. Его подарил мне друг детства, Ами. Раньше он тоже с родителями жил в этих коттеджах. Мы с ним постоянно гуляли вместе, ходили друг к другу в гости, мечтали, придумывали какие-нибудь штуки. Он не мог рисовать, зато собирал модели кораблей. Однажды он даже назвал один из них в мою честь и подарил мне! Ещё он любил смотреть, как я рисую, и я рисовала его корабли плывущими по морю. Он был первым моим зрителем. А больше всего мы любили гулять вдоль берега и собирать ракушки. Вот, часть из них до сих пор лежит на этой полке... Но однажды в нашу мирную жизнь вторглась неожиданная новость – родители Ами решили переехать. Я сильно удивлялась, как можно решиться ехать отсюда. Это же рай на земле! Но потом мои родители объяснили мне, что некоторые люди не могут довольствоваться тем, что у них есть, им хочется большего, больше денег, больше славы, больше возможностей... И родители Ами решили променять эту скромную красоту на жизнь в большом, пыльном, зато перспективном городе. Отцу Ами предложили хорошо оплачиваемую работу, они продали здесь домик и уехали в столицу. Мы с Ами не знали, как будем жить друг без друга. Мы поклялись, чтоб будем писать письма и приезжать в гости, а потом, как только он станет взрослым, он сразу же вернется сюда, и мы снова заживем так, как прежде. На прощание мы обменялись подарками. Я подарила ему картину, на которой мы сидим у моря на том большом камне. А он мне подарил этот кулон. Не знаю, где он его достал... Это удивительная вещь! Она напоминает о тех днях, когда мы гуляли по берегу и вместе собирали ракушки... Как он мне её подарил, с тех пор я с ней не расставалась. Но однажды я купалась в море, и кулон каким-то образом упал с цепочки. Цепочка осталась, а кулончик исчез. Я подумала, что это плохой знак... Ведь Ами так ни разу мне и не написал. С тех пор грусть поселилась в моём сердце. А раньше я была самой веселой девчонкой на побережье. Но после этого с каждым днём мне становилось всё грустнее и

грустнее... А тут ты! Спасибо тебе большое, если бы не ты, я бы никогда не нашла этот памятный моему сердцу подарок, и достался бы он какой-нибудь русалке. Спасибо тебе! Именно за это я готова была бы отдать тебе его навсегда. А ещё больше я была бы счастлива, если бы ты остался у меня. Тогда бы и ты, и кулон всегда были бы со мной.

– Нет, Майя, ты должна носить этот кулон. Он вернулся к тебе, и, может быть, Ами тоже когда-нибудь вернется.

– Но как же мне тебя отблагодарить? – спросила у Эрми прекрасная Майя. – Хм.. Пстой-ка. Ты говорил, что хочешь себе красивый, яркий дом, похожий на наши дома. Но в то же время нужно, чтобы он был удобным для тебя. Чтобы тебе не было тяжело его таскать... Хм... Кажется, я придумала!

Майя вскочила со стула, подбежала к полке и взяла одну из ракушек, что лежали там.

– Это те, что мы собирали с Ами. Видишь, здесь с краю даже написано мелкими буквами «Майя и Ами», – улыбнулась Майя. – Ну-ка, примерь, – и она протянула одну из них Эрми.

Эрми посмотрел на ракушку, похожую на одну из тех десятков, что ему уже приходилось носить, и вздохнул:

– Она точно такая, как те, что я уже когда-то носил...

– Нет, Эрми, ты меня не так понял! Для начала примерь! – и Майя нахлобучила на него ракушку. Она была как раз.

– Отлично! – девочка взяла ракушку, потом достала тонкую кисточку и несколько баночек с акриловыми водостойкими красками.

Ракушка преобразилась на глазах! За несколько минут её поверхность окрасилась во все цвета радуги и на ней как будто распустились десятки цветов, ничуть не менее красивых, чем цветы на занавесках. Вот чудеса – цветы на известняке! Теперь ракушка была похожа на один из этих уютных, как будто игрушечных, разноцветных домов.

Когда Майя дошла до надписи «Майя и Ами», она на минуту задумалась, и когда уже подняла кисточку, чтобы закрасить её, Эрми сказал: – Постой! Не закрашивай, пожалуйста! Я хочу, чтобы это осталось на память. – Хорошо, – сказала юная художница, и оставила надпись, только аккуратно закрасила пространство вокруг неё. Потом взяла лак и покрыла им поверхность ракушки. – Ну вот, теперь краска точно не слезет. Осталось только подождать немного, и можно примерить обновку.

Эрми не верил своим глазам. Это было то, о чем он всегда мечтал. Теперь он будет самым неповторимым обитателем морского дна, и ему уже никогда не захочется менять свой домик. Наконец-то он его обрел, такой, о котором мечтал, похожий на один из этих сказочных домов.

Когда лак высох, Майя аккуратно надела ракушку на Эрми. – Ну вот, кажется, тебе очень идёт! Это то, чего ты хотел? – Да!!! – воскликнул Эрми, разглядывая себя в зеркальце, поднесённом Майей. – Майя, ты волшебница! Ты спасла меня! – Да? – Майя улыбнулась. – Ну наконец-то моё занятие принесло хоть какую-то настоящую пользу.

Так Эрми обрёл Дом своей мечты, а Майя смогла ощутить себя нужной. Эрми не мог навсегда остаться у Майи, ведь, по его словам, он был морским обитателем и море тянуло его к себе. Но он обещал заходить в гости. Майя взяла маленького потомка де Маринов и отнесла на берег, туда же, где и нашла, и отпустила на песок. Эрми пошел к морю. Идти было непривычно легко, клешни больше не увязали в песке. Подойдя к воде, он взглянул на своё отражение и остался им очень доволен. Потом оглянулся и посмотрел на дома, видневшиеся вдалеке. Да, теперь его домик был похож на них. Потом он повернулся к Майе. Она стояла, улыбаясь, и махала ему рукой. Другой рукой она прижимала к сердцу серебряный кулон. Эрми было жалко расставаться с

этой славной девочкой, с её уютной комнатой-мастерской. Но новые планы придавали ему сил на разлуку.

– Ами вернётся к тебе, Майя. Он станет моряком и когда-нибудь приплывёт сюда. Ты только верь, – сказал Эрми, и его разноцветная раковинка скрылась в солёном ультрамарине.

Глава 2

Эрми едет в Атлантику

В «Креветка-кабаре» было не протолкнуться. Морские жители праздновали Новый год. По случаю праздника помещение празднично освещалось медузами. С потолка в качестве украшений свешивались разноцветные анемоны и серпантин водорослей. Вместо ёлки хозяева бара притащили остов какого-то морского чудища и нарядили его морскими звёздами. На стол водрузили старинный канделябр, взятый напрокат в лавке Краббса.

К королевским креветкам сегодня присоединилась гастролирующая труппа тигровых креветок, поэтому шоу вышло незабываемым. В перерывах между танцевальными номерами хор китов исполнял свои блюзовые композиции. Посетители бара веселились, потягивая коктейли из чернил осьминога, и наслаждались атмосферой.

Когда у входа мелькнула разноцветная раковина, все сразу поняли, что пожаловал сам Эрми де Марин. Теперь его было ни с кем не спутать. Если где-то показывалась раковина всех цветов радуги, все знали, что это Эрми. Никто не знал, что с ним произошло и где он взял эту необычную раковину, но после этого он изменился. Он больше не был таким угрюмым и несчастным, как раньше, но вместе с тем он был постоянно на чем-то сосредоточен. Он стал немного чаще появляться в общественных местах, но на берегу как будто

почти перестал бывать. Он был одной из самых загадочных фигур подводной современности, поэтому его появление неизменно вызывало легкий шёпоток в толпе. Так и сейчас. Он, не обращая на это внимание и сдержанно-приветливо кивая тем, кто здоровался с ним, отправился к столику в углу и заказал свой любимую настойку из ламинарии. Сидя и потягивая её, он наслаждался китовым блюзом и о чем-то думал.

– Эрми де Марин! Давно тебя не видела, хотя то и дело слышу о тебе! – красавица креветка Лиза появилась, как всегда, неожиданно.

– О, Лиза, добрый вечер!

– Можно к тебе подсесть? Мой выход ещё не скоро.

– Да, пожалуйста!

– Не угостишь меня, благородный рыцарь? Радужный рыцарь, как тебя сейчас называют.

Эрми щедро протянул ей свой бокал.

– Лиза, если не побрезгуешь. Потратил на него последнюю мелочь.

Лиза всё поняла, вежливо сделала несколько глотков и вернула стакан де Марину.

– Кстати, с Новым годом!

– С Новым годом!

– А я ездила на гастроли в Атлантический океан.

– О, поздравляю, Лиза! Это же мировой уровень!

– Да, мы выступали там в мюзик-холле. Это было невероятно.

– И как там жизнь, в Атлантике?

– Отлично! Деньги гребут плавниками! Рядом большие города. Правда, опасно, там чаще бывают массовые уловы, чаще тонут нефтяные танкеры, но, говорят, эти опасности ничто по сравнению с уровнем жизни.

– Что интересного видела?

– Нас водили на экскурсию на «Титаник». Это ужасно, Эрми. Но вместе с тем

так интересно! Там столько вещей, которые я никогда не видела. Всё-таки мир людей удивителен. Ещё я видела издалека огни Столицы. И триллиарда наших медуз не хватит, чтобы выработать хотя бы частичку такого света.

– Надо же... – задумчиво произнёс Эрми, глядя куда-то вдаль.

– Да. А ты где был? Ты куда-то пропадал. А потом наши дорожки с тобой постоянно расходились. Приду куда-нибудь – скажут, был, да минуту назад ушёл. И судачат-судачат. Особенно о твоей новой ракушке. Я ведь её ещё даже толком не рассмотрела.

И она внимательно оглядела Эрми.

– Вос-хи-ти-тель-но! Тебя надо выставлять в музей! Нет, везти на гастроли. Это произведение искусства.

– Правда? – улыбнулся Эрми.

– Да, мой благородный де Марин! Ещё какая! Я вижу, теперь ты счастлив. По крайней мере, должен быть таким...

– Да, должен.

– Но что мешает?

Эрми промолчал.

Лиза задала ещё один вопрос:

– Где же ты раздобыл эту чудесную ракушку? И куда ты пропадал? Расскажи. Я же рассказала тебе о своих гастролях.

– Лиза, я могу немного позже рассказать тебе об этом? Ты знаешь, так уж получается, что с тобой я всегда был откровеннее, чем с кем-либо ещё. Поэтому обязательно расскажу, но не сейчас.

– Как знаешь... – разочарованно протянула Лиза. – Да я бы и не успела дослушать, скоро мой выход.

Лиза стала готовиться и подтягивать чулки на каждой лапке. Потом встала, но на прощанье оглянулась.

– Я смотрю, у тебя туго с деньгами, Радужный Рыцарь. Почему бы тебе и в

самом деле не подзаработать на своём панцире? В Атлантике есть ценители искусства, там сейчас в моде необычные направления, как, например, боди-арт. Я не говорю, что тебе надо продавать эту штуку, хотя, я уверена, за неё немало бы дали, но есть ведь художественные выставки. Я видела в Атлантике афиши – весной там будет Маринистик-3000 – выставка-ярмарка современного искусства. Туда съедутся художники всех морей, там будут выставлены разные диковинные товары. Почему бы тебе туда не поехать? Наша труппа снова собирается в те края на гастроли. Я поговорю с нашим продюсером, Спрутом, о том, чтобы взять тебя с нами.

– О, Лиза, спасибо, конечно...

– Ну всё, Эрми, пока! Мне пора. Не теряйся. Ещё раз с праздниками!

До конца зимы Эрми бессмысленно прослонялся по морскому дну. Ему постоянно не хватало денег. Приходилось устраиваться на подработки, таскать камни и песок для строительства домов богатых крабов и осьминогов. Но это особо не помогало.

Однажды, когда он таскал камни на очередной стройке, он встретил Краббса. Тот пришёл в гости к заказчику стройки. Он заметил Эрми и посмотрел на него оценивающим взглядом.

– Ну, здравствуй, здравствуй, Эрми! Что, трудишься?

– Здравствуйте, герр фон Барыган! Да, тружусь.

– Что не заходишь в лавку за обновками?

– Не нуждаюсь.

– Решил остановиться на этой ракушке? Да, она весьма оригинальна. Но куда ты дел ту, серебряную ракушку? Продал?

– Нет...

– Да, действительно, если бы ты её продал, ты бы сейчас не батрачил здесь. Значит, спрятал? Или променял на эту? Променял шило на мыло?

– Это не ваше дело, фон Барыган!

– Ну и дурак ты, Эрми, я тебе скажу. Ничего, ещё обратишься ко мне. «Не ваше дело», – передразнил краб Эрми и направился прочь.

Через несколько дней, когда Эрми сидел в каком-то гроте, где он любил в последнее время прятаться и раздумывать, он вдруг услышал, что его кто-то зовёт.

– Эрми! Эрми де Марин!

«Кто бы это мог быть?» — подумал рак. Он высунулся из грота и увидел угря из «Креветка-кабаре». Тот, запыхавшись, бежал к нему.

– Месьё Эрми! У меня к вам срочная новость от креветки Лизы! Она просила передать, что договорилась насчет вас с директором, и уже завтра надо выезжать на гастроли.

Эрми совсем забыл об этом, и сейчас опешил от неожиданности. Уже завтра!

– Нужно думать быстрее и уже сейчас сказать Лизе, поедете вы или нет.

– Но... – замялся Эрми. – «Эх, была не была, что ещё остаётся делать!». И сказал:

– Да, я еду. Что нужно сделать?

– Подойдите завтра утром в «Креветка-кабаре», к черному входу.

– Хорошо.

– До свидания, месьё Эрми! Мы будем ждать вас. Не опаздывайте.

– До свидания!

Попрощавшись с гонцом, Эрми задумался. Как это всё неожиданно. Он должен покинуть свой родной берег. Сказочный коттеджный поселок. Майю. Он и так ни разу не виделся с ней за всё это время. Только несколько раз видел её издали, наблюдая за ней из-за камня. И ему казалось, что она стала ещё грустнее и задумчивей. Видимо, Ами так и не написал ей. А тут ещё и Эрми пропал. Но Эрми было неловко появляться перед ней. Ведь он ещё

ничего не сделал из того, что хотел. А он очень хотел помочь.

Сегодня вечером он решил выбраться на берег, чтобы во что бы то ни стало увидеть Майю и сказать, что уезжает. Извиниться за то, что не появлялся и предупредить, что отправляется в Атлантический океан. Там он заработает денег и попадет в большие города. Вдруг в Большом Городе он сможет отыскать Ами и что-то передать ему от неё.

Когда Эрми вылез на берег, там было пустынно. Давно он не был здесь. Ранняя весна давала о себе знать – ещё было довольно-таки прохладно. Эрми стал ходить по берегу, потом подошел поближе к цветным домикам, посмотрел на окно Майи. Там тускло горел свет. Майя должна была выйти погулять в сумерках, но её всё не было. Тут порыв ветра распахнул форточку в комнате Майи. Какая-то женщина быстро подскочила к форточке и закрыла её. Но пока форточка была открыта, Эрми услышал чей-то сильный, надсадный кашель. Он понял, что это была Майя. Потом он видел, как женщина над кем-то наклонялась, что-то делала, хлопотала. Эрми посидел перед калиткой ещё некоторое время. Какой-то мужчина в белом халате зашёл во двор Майи. Её мать впустила его. Он пробыл дома около получаса, а когда выходил, Эрми услышал следующие обрывки разговора:

– ... довольно-таки серьезно. Мы должны приложить все силы, чтобы поставить её на ноги, – говорил мужчина в белом халате.

– Она поправится до конца марта? Надо ходить на занятия, к тому же Майя заканчивает ещё и художественную школу, – сказала мать Майи.

– Не знаю, ничего не могу обещать. Я буду регулярно наблюдать вашу дочку. Приду завтра утром. Если ничего не изменится в течение нескольких дней, будем думать о госпитализации.

– Будем надеяться, что обойдется.

– Да, сил вам и терпения.

– Спасибо, доктор!

– До свидания! Держитесь!

И доктор ушёл.

Эрми всё понял. Как же так? Почему он раньше не появлялся здесь? Он опоздал... Вот теперь Майя заболела и не известно, что будет дальше. Он думал, что делать, как сообщить ей о своих планах, как приободрить её.

«Дорогая Майя! – писал он на влажном вечернем песке. – Прости меня. Я уезжаю в Атлантику. Я вернусь. И Ами тоже вернётся. Я обещаю. Выздоровливай. Я люблю тебя. Твой друг Эрми». Он не надеялся, что она прочтет эту надпись, наверняка волны прилива смоят её... Но это всё, что мог сделать Эрми.

На следующее утро он пришел к черному ходу «Креветка-кабаре». Там уже вовсю кипела предотъездная суета.

– Эрми! – крикнула Лиза, когда увидела его. – Как я рада, что ты всё-таки едешь с нами! Но.. почему ты так грустен?

– Не смог попрощаться с одним очень дорогим мне человеком, – вздохнул Эрми.

Лиза понимающе посмотрела на него:

– Хорошо, по дороге расскажешь. Сейчас надо собираться.

Вот все наконец-то расселись в просторном садке, который должны были тянуть наверх несколько дельфинов. Это было что-то вроде подводного лифта. Наверху они должны были пересечься с круизным лайнером и попасть в трюм, в тот его отсек, где бывает немного воды. Всё это было сопряжено с большим риском, но других более быстрых и удобных путей достичь Атлантики не было. Для Эрми это было первое большое путешествие. Он молча смотрел по сторонам и вбирал в себя впечатления. С ним вместе ехала труппа веселых креветок, но их лёгкая болтовня нисколько не мешала ему. Спрут ехал в отдельной кабине, как и полагается директору. Ещё ехало несколько угрей-танцоров, толстый Фугу-саксофонист во фраке и Вива

Кальмар, рисовавший изящные миниатюры в китайском стиле своими чернилами. Из художников ещё была улитка Ульяна, она занималась монументальной живописью – рисунками на песке, и планировала продемонстрировать свой талант на фестивале. Также был ещё морской ёж. Он мастерски вышивал водорослями и чешуйками по морской глади с помощью сотен своих иголок. Поехал и рыба-клоун – он показывал фокусы. В общем, собралась очень весёлая и талантливая компания. Многие с удивлением посматривали на Эрми.

– А что вы умеете делать? – спросил его Фугу. – Я ни разу не видел, чтобы вы выступали в «Креветка-кабаре» или участвовали в культурной жизни.

– Я ничего не умею делать, – отвечал Эрми.

Фугу сильно удивился и подумал, что рак-отшельник, как и все угрюмые мизантропы, скромничает.

– Но, может быть, вы сами разрисовали свою ракушку? Автоживопись?

– Увы, её разрисовал не я. Но именно из-за неё меня сюда и взяли.

Фугу, кажется, немного разочаровался в Эрми.

– Ааа, так вы просто чья-то работа. Но где же автор этого чуда?

– Автор... Ммм... Заболел.

– Но как зовут этого автора? – не унимался любопытный Фугу.

– Майя.

– Майя? Хм... Ни разу не слышал. А есть ли подпись автора? Что это за картина без подписи автора?

– Нет. Хотя...

Эрми повернулся к Фугу тем боком, где у него было написано «Майя и Ами» и ткнул туда клешней.

Фугу наклонился и стал внимательно разглядывать надпись.

– Да тут не один автор, а целых два. – «Майя и Ами».

– Ну да. Возможно, Майя не смогла бы создать этого, если бы Ами не было в

её жизни.

– Ами... Ами... Нет, тоже не слышал. Но где же он? Тоже заболел?

– Что-то вроде того. Уехал.

– Ай-ай-ай, – покачал толстощёкой головой Фугу. – Как же так? Мы так и не сможем лицезреть гениальных создателей этой работы. Что-то тут не так.

Эрми сделал вид, что больше не слушает прилипчивого Фугу и отвернулся к окну. Тот ещё продолжал что-то бубнить себе под нос.

Наконец они поднялись на поверхность. Это была городская пристань. Скоро туда должен был прибыть лайнер, в трюм которого они собирались были проникнуть. Эрми впервые видел так много кораблей сразу. Везде сновали люди.

– Это похоже на Большой Город? – спросил Эрми у какой-то креветки.

– О нет, – ответила она. – Это и близко не стояло. Большой Город намного грандиозней.

«Значит, Ами здесь нет», – подумал Эрми.

Пока они сидели в ожидании лайнера, к нему подседа Лиза.

– Так что это за «Майя и Ами»? – спросила она. – Что у тебя за тайны? Ты обещал рассказать мне.

– Ну ладно, слушай.

И Эрми рассказал Лизе эту историю, о красивой девочке Майе, о её серебряном кулоне, о её таланте, о том, как ей пришлось расстаться с другом, как она заболела перед отъездом Эрми и как он хотел бы ей помочь.

Лизу очень впечатлил этот рассказ. Она спросила:

– Ты думаешь, что сможешь найти Ами в Большом Городе?

– Не знаю, но раз я буду там, хотя бы разведая обстановку. Сомневаюсь, что смогу отыскать его в такой толпе, но я посмотрю, что это за город, а потом расскажу Майе.

– Понятно. Если хочешь, после фестиваля мы можем вместе поехать в

Большой Город. Я тебе там всё покажу, что знаю сама. О, а вот уже и лайнер подали. В путь!

Небольшая труппа морских обитателей проникла в тёмный сырой трюм и приготовилась к трудному пути. Все постарались расположиться как можно удобнее, Эрми занял место недалеко от Лизы. Он всё сильнее чувствовал, что ему важна её поддержка. Они часами разговаривали. Лиза рассказывала об Атлантике, о Большом Городе.

– Скажи, Лиза, – спросил как-то Эрми, – ты так часто бывала в Атлантике и в Большом Городе и тебе там даже понравилось. Тебе никогда не хотелось остаться там?

– Я думала об этом. Но почему-то всегда скучаю по родному побережью. Большой Город даёт много возможностей, но он отнимает память о чём-то родном, хранящемся в сердце. Он отнимает память о доме, и ты становишься бездомным. Главное, не потерять память о своём доме, когда ты окажешься там. Потеряешь – и путь назад тебе уже закрыт. Ты никогда не сможешь вернуться на Побережье. У тебя будет куча возможностей, но покоя в сердце у тебя уже никогда не будет.

Прошло несколько дней с начала плавания. Лиза говорила, что по её расчетам они должны были быть уже в Атлантике и подплывать к Большому Городу. Можно было готовиться к высадке. Кажется, путешествие прошло без приключений.

Но вдруг наверху послышался какой-то шум, как будто кто-то спускался в трюм. И действительно, скоро показались две ноги в высоких резиновых сапогах. В тёмный трюм проник луч фонарика.

– Тревога! – успел скомандовать Спрут, и все участники труппы попрятались кто куда мог, вжались в стены. Лиза прижалась к Эрми.

– Что это такое, Лиза? – тревожно спросил он.

– Не знаю, обычно никто не спускается в трюм так низко. Здесь просто нечего делать. Вероятно, он просто что-то быстро проверит и уйдет.

Тем временем мужчина бродил по воде, которая достигала ему колена, а иногда и выше. От колебаний воды морские обитатели с трудом удерживались на стенках. Потом мужчина стал шарить по воде каким-то предметом, похожим на палку, как будто что-то искал. Кажется, он нащупал то, что ему было нужно. Это была какая-то стеклянная банка. На другом конце палки был сачок. Он сунул сачок в воду и попытался «поймать» банку. У него почему-то ничего не получалось, он долго возился и пыхтел. Тут он разозлился и ещё более яростно стал орудовать сачком. Из-за этого вода стала бултыхаться, начали образовываться маленькие водоворотики. И тогда Эрми почувствовал, что ему всё тяжелее удерживаться клешнями за почти что голую стенку. Он попытался было сказать:

– Лиза, кажется, я...

Но не успел. Очередной сильный водоворот подхватил его.

– Эрми! – закричала Лиза.

– ААА! – кричал Эрми, но вода увлекала его всё дальше от спасительной стены. Он услышал, как все забеспокоились. А мужчине, видимо, наконец-то удалось поймать банку, и он стал вытаскивать сачок. В этот момент водоворот направился как раз в самую сердцевину этого сачка, и не успел Эрми опомниться, как уже был высоко в воздухе, в сачке вместе со стеклянной банкой, а огромный человек тащил его наверх. Эрми попытался выбраться, но запутался в леске. Трюм с друзьями становился всё дальше, а человек продолжал взбираться по лестнице, пока не вышел на палубу и в глаза Эрми не ударил резкий солнечный свет.

Эрми в Большом Городе

– Посмотри, какую диковинку я выловил.

Эрми почувствовал, как его раковина ударилась о твердую поверхность.

– Интересно, что это такое? – усатый мужчина с запахом дешевого табака изо рта наклонился над ним.

– Похоже на ракушку, только ракушки такими не бывают. Как будто кто-то специально её разрисовал. Только как она там оказалась?

Усатый мужчина взял Эрми на ладонь. Эрми высунул клешню и незаметно ущипнул его.

– ААА! – возопил усач и откинул его на стол.

– Что, что такое? – спросил второй мужчина, которой его сюда, видимо, и принёс. Взяв раковину, он внимательно заглянул внутрь. – О, так там, кажется, есть жильцы. Дурак, ты испугался обычного рака-отшельника. Он же кусается не больше комарика.

– Ага, не больше. Попробуй сам сунь палец. Если не от боли, то как минимум от неожиданности подпрыгнешь.

– Ну, оставь панику, – он снова посмотрел на раковину. – Оказывается, там ещё и живёт кто-то... – повторил мужчина. – Вот удивительно. В первый раз такое вижу. Думал, просто ракушка, а это чей-то домик.

– Выброси ты его. Или раздави.

– Да нет, возьму-ка я его с собой, покажу кому-нибудь. Да и не так скучно будет в чужом городе, в общежитии-то. А потом сдохнет – на память ракушку оставлю, дочке привезу. А может, просто отпущу, опять в море заброшу.

– Хе-хе, чудак!

Но мужчина вытащил что-то из банки и посадил туда рака.

– Сойдем на берег, наберу воды для него. Авось, не подохнет, пока доплывем.

И мужчины стали собираться, оставив банку на столе.

Эрми никогда раньше не сидел в стеклянной банке. Он знал, что некоторых морских жителей постигает такая участь, особенно мальков или улиток, когда мальчишки достают тех их моря. Оказывается, сидеть в банке было неприятно. Вроде бы ты свободен и можешь побежать, куда угодно, но когда ты пытаешься это сделать, ты как будто бы натыкаешься на твёрдый прозрачный воздух перед собой. И это твёрдый прозрачный воздух называется стеклом. Ты бессилён перед ним: можешь сколько угодно скрести его клешнями, но даже зацепиться будет не за что, оно скользкое и неумолимо гладкое. Оно очень похоже на воду, но это обманчивое сходство. К нему невозможно найти подход, как ни бейся. Наверное, можно сойти с ума, если долго просидеть здесь...

Мужчины закончили сборы, на палубе началась какая-то суета. «Может, ещё удастся сбежать?» – думал Эрми. Ему очень хотелось снова оказаться со своими друзьями.

Мужчина взял банку с Эрми и направился к выходу. Эрми сидел высоко, поэтому ему открывался очень хороший обзор. То, что он увидел, одновременно напугало и поразило его: вокруг был Большой Город. Они прибыли в огромный порт, в сотни раз больше того, что он видел перед тем как сесть на лайнер. А впереди стояли огромные дома. Если бы их перевернули вверх тормашками и засунули в море на самой большой его глубине, вероятно, они могли бы достать до дна. Это всё, что приходило в голову Эрми по поводу их высоты.

Мужчина сошёл по трапу, попрощался со своим товарищем и спустился к берегу. Там он вытащил Эрми из банки и стал набирать воду. Он имел неосторожность положить Эрми на камни и забыть о нём. Эрми ринулся в сторону, думая, что вот он, его шанс, снова оказаться в воде, на свободе, и отыскать своих друзей. Но мужчина, словно почувствовав замысел Эрми, резко обернулся и ловким движением схватил его.

– Агаа! Попался, беглец! Вот ты какой, оказывается. Не хочешь со мной дружить. Ну ничего, я всё детство ловил раков и крабов, у меня есть сноровка. Так что удрать у тебя не получится.

Услышав, что этот ужасный человек ловил его собратьев, Эрми и вовсе признал в нём своего врага. Немало его товарищей пропали без вести. Возможно, кого-то из них поймал этот человек, будучи мальчишкой.

Мужчина уже успел набрать в банку воды, поэтому тут же посадил в неё Эрми, встал и пошёл по направлению к городу.

Он не стал никуда прятать банку, и Эрми мог отлично видеть всю дорогу и запоминать, куда его несут. А ещё он с открытым ртом смотрел по сторонам: настолько поражал его Большой Город. Дома здесь совсем не были похожи на те милые, уютные домики на побережье. Они все были серыми и одинаковыми, совсем как те однотипные раковины, которые он носил раньше и так ненавидел. И все люди здесь были заняты беготнёй, совсем как он раньше, бегая между морей и сушей, голым, в поисках очередной серой раковины. Найдя свою бетонную раковину, люди забивались в неё, но не становились от этого счастливее. Поэтому все вокруг были так угрюмы, тосковали по чему-то настоящему, но не понимали, по чему именно. Многие из них приехали сюда из Дома, но уже забыли о том, что есть Дом. Память о Доме была уже мертва в них. Что держало их в этом ужасном месте? Неужели они не видели и не понимали, каково оно на самом деле? Неужто они забыли о маленьком домике у моря? И где-то здесь, возможно, ходит Ами. Эрми стал вглядываться в лица всех попадавшихся мальчиков. Он помнил, как Ами выглядел на фотографии и надеялся узнать его, если, конечно, Город не изменил и не исказил до неузнаваемости его лицо. И всё-таки что заставляло всех их быть здесь? Должна же быть какая-то разгадка этого порочного очарования.

В конце шумной улицы мужчина запрыгнул в трамвай, и тот со звоном

повёз его в сторону городских окраин. В окне, за ещё одним стеклом, мимо Эрми проплывали городские картины. Нет, они не были явно ужасны, но чем больше он смотрел на них, тем сильнее ему хотелось назад, на просторный морской берег.

Трамвай привез их к средневысотному серому зданию. Мужчина вышел из трамвая, перекинул сумку через плечо, поставил банку с Эрми в сумку («Посиди-ка ты пока тут») и зашёл в здание. На входе у него состоялся небольшой разговор с консьержем, которому он объяснял, что забронировал здесь комнату. Тот отдал ему ключи и проводил до двери. Зайдя, мужчина кинул сумку на кровать, вытащил из неё банку, поставил на подоконник. Эрми стал изучать комнату. Это была настоящая серая раковина! Несколько шагов в периметре, узкая койка, стол, табуретка, грязные мятые шторы, телевизор в углу, окно, упирающееся в бетонный забор...

Тем временем мужчина завалился с ботинками на кровать и громко зевнул. Эрми приготовился к долгой скуке, пока его похититель будет спать, но тут зазвонил телефон.

– Алло! – ответил мужчина. – Да, уже в Городе. Я собирался вздремнуть, немного устал в пути, до сих пор качает... Что? Срочно нужен?... Да, если нужно, то я могу. Но за срочность и цена побольше, соответственно... Хорошо, тогда через два часа. Хотя бы перекушу. Встретимся у входа на Ярмарку. Кстати, покажу тебе одну интересную штуку, по дороге нашёл... Ага. Всё, кладу трубку.

Потом мужчина быстро вышел и через некоторое время вернулся с пакетом, вытащил из него хот-дог, бутылку газировки, разложил всё это на столе и принялся за еду. Он жадно запихивал в себя хот-дог, заливая напитком радиоактивно-оранжевого цвета.

– Эй, – посмотрел он на Эрми, – парень, хочешь есть? – и кинул ему в банку кусочек сосиски. Эрми в ужасе шарахнулся от угощения.

– Вот дурак, – сказал щедрец. – Зря только отломил, лучше бы сам съел. Ешь давай, это вкусно, это мясо. Не хочешь – как хочешь. Всё равно со мной сейчас поедешь.

Мужчина порылся в сумке, достал свёрток и положил его за пазуху. Потом взял банку с Эрми, поставил её в глубокий карман и направился к выходу. На столе остались лежать объедки, крошки и пустая пластиковая бутылка.

Человек, с которым встретился его похититель, был несколько не приятнее. Он был каким-то серым, голос его был блеклым, тело – тщедушно. У него как будто бы не было ни пола, ни свойств. Мужчина передал ему свёрток, тот, в свою очередь, тоже что-то отдал.

Они особо не говорили между собой, только по делу, и стали уже прощаться, как Беспольный вспомнил:

– Ты же вроде мне что-то показать хотел?

– А, да. – Мужик залез в карман и достал оттуда банку.

Беспольный приблизил к ней свои бесцветные глаза.

– Ха-ха. Забавно. Он живой?

– Ага.

– И сосиски лопают?

– Нет, стесняется.

– Где ты его нашёл?

– Представляешь, в трюме вместе с банкой выловил.

– Что ты хочешь с ним сделать?

– Да пока пусть живет, потом, может, дочке увезу, если с голоду не подохнет. Занятная штучка.

– Погоди, а что это такое у него на раковине написано? – Беспольный полез своими костлявыми ручонками в банку.

- Где? А я даже не заметил, не присматривался пока.
- Смотри, – держа Эрми так, чтобы тот его не тяпнул, Беспольный показал собеседнику на надпись «Майя и Ами». – Это всё не просто так.
- Может быть.
- Слушай, отдай его мне.
- Зачем тебе?
- Попробую на ярмарке кому-нибудь втюхнуть. Некоторые городские любят такое. Сказать, что это Краб Счастья, так вообще кругленькую сумму выложат.
- Не краб, а рак.
- Ну рак. Всё равно выложат. Отчаявшиеся и живущие не своей жизнью обожают всякие чудеса. Давай, соглашайся. Если что-то выгорит, в следующий раз тебе половину суммы отдам. Чую я, здесь что-то есть.

Мужчина подумал.

- Давай, только дай мне тогда сейчас сколько-нибудь денег.
- Э, ты не наглей. За рака какого-то...
- Ну раз какого-то, то отдай его сюда. Я пойду.
- Нет, постой. Держи, – сказал Беспольный и вытащил несколько купюр.

Мужчина взял их, улыбнулся или оскалил зубы на прощание, и направился к остановке, оставив банку в руках нового владельца.

Тот ещё раз осмотрел рака, пощупал свёрток в кармане и нырнул в пёструю, гомонящую толпу Ярмарки.

Майя прощается с морем

Весна всё не хотела наступать, сезон штормов затянулся. Обезумевшие волны уже несколько дней атаковали берег, и от послания, оставленного Эрми, уже почти ничего не осталось. Только обращение «Дорогая Майя!» и отдельные, рассыпавшиеся по песку буквы.

Двери дома, в котором жила Майя, за последнюю неделю не знали покоя. Доктора, обеспокоенные родственники, друзья навещали её. Но лучше ей не становилось. В конце концов доктор принял решение отвезти Майю в городскую больницу. Майе не хотелось уезжать из своей уютной комнатки, из маленького мирка любимого побережья и родного посёлка. К тому же она уже несколько месяцев не виделась с Эрми, ей хотелось хотя бы попрощаться с ним. Она думала, что он приходил, но не застал её, потому что болела она уже давно. Майя была очень слаба, поэтому мама помогла ей собрать вещи. Не забыла она и свой маленький этюдничек. Ещё Майя долго думала, какую книгу с собой взять – «Русалочку» Г. Х. Андерсена или «Алые паруса» А. Грина. Обе эти книги она любила всем сердцем. Но места было немного, поэтому взять нужно было что-то одно. Майя долго не могла выбрать, и тогда мама сказала: «Давай я сама решу, какую книгу тебе положить, это будет загадкой для тебя». «Хорошо», – Майя улыбнулась. Она всегда гордилась мудростью своей матери. К тому же маленькая интрига вносила небольшое разнообразие в её жизнь, застоявшуюся в последнее время.

– Мама! А можно тебя ещё кое о чём попросить?

– Да, доченька.

– Положи, пожалуйста, между страницами книги фотографию, где мы с Ами.

– С Ами? – женщина задумалась. – Кажется, он так и ни разу тебе не написал?

– Да...

Мать поняла, что она ещё больше расстроила Майю. Не надо было этого

спрашивать. Как знать, может быть, из-за этого Майя заболела и медленно угасает. Майина мать знала, что душевные раны вполне способны убить человека физически.

– Положишь?

– Да, конечно.

Майя лежала и крепко сжимала в руке серебряный кулон-ракушку. Она о чём-то думала.

Наконец вещи были собраны. Приехал доктор. Он и отец девочки бережно подняли её на руки и вынесли из дома. Следом шла мать с Майиными вещами. Хоть Майю и укутали в шерстяное одеяло, она тут же почувствовала холодное дыхание ветра.

Когда они вышли за ворота, Майя увидела море.

– Поднесите меня, пожалуйста, к берегу, – попросила девочка у взрослых.

Те, зная, что пребывание в больнице может затянуться, с пониманием отнеслись к её просьбе и направились в сторону шумящего прилива. Отец держал её на руках, завернутую в одеяло, а Майя смотрела на воду. «Где же мой друг Эрми?» – думала она, не говоря уже о других мыслях об Ами. Как хотелось бы сейчас повидаться хотя бы с Эрми. Неизвестно, вернется она сюда или нет. У Майи были плохие предчувствия. Она держала в руке серебряный кулон. Потом она вдруг сняла его с шеи. Ей хотелось, чтобы этот кулон остался здесь, где прошли самые радостные минуты её жизни, где они с Ами провели самое светлое и волшебное детство. Может быть, Эрми найдет его и сохранит на память о ней. Но даже если море, здешнее море, будет хранить эту память, – одного этого ей было достаточно. Если эта вещь будет здесь, Майя всегда будет чувствовать связь с этим местом. И Майя забросила кулон в море. Она старалась кинуть его как можно дальше, но из-за слабости получилось, наверное, лишь на пару метров.

– Что ты делаешь, Май? – спросил отец.

- Хочу, чтобы моя душа навсегда осталась в этом месте.
- Ну что ты, ты скоро выздоровеешь и сама приедешь сюда насовсем!
- Мне всё больше кажется, что нет...
- А ну-ка прекрати такие разговоры. Уверен, уже через несколько дней ты будешь носиться по этому берегу. Так что зря ты разбрасываешься своими вещами. Потом будешь жалеть.

Теперь Майе и вправду стало казаться, что зря, что её мозг просто затуманен болезнью. Она ещё больше расстроилась.

- Надо идти, дочь.

Отец понёс Майю к машине. Она через плечо с тоской смотрела на море и мысленно прощалась с ним. Вдруг ей показалось, что на песке мелькнули какие-то буквы: «Дорогая Майя!».

- Паап! Постой! Мне кажется, здесь что-то написано.

Но в этот момент особо сильная волна накатила на берег и от букв не осталось и следа. Как будто и не было. А если было – то не докажешь.

- Нет тут ничего, Май. Тебе показалось, – сказал отец и пошёл дальше.

- Но было же...

- Пойдем в машину.

Доктор помог отцу донести Майю до машины, и они поехали в городскую больницу.

А маленький кулон снова лежал на морском дне. Когда закончился шторм, старый Краббс фон Барыган пошёл на разведку. Он знал, что во время шторма море как будто перетряхивает, и из его закромов порой вываливаются очень неожиданные вещи. В этот раз он тоже надеялся, что к берегу прибило что-то интересное. Тем более что в последнее время дела в лавке шли не очень, и он хотел поставить какой-нибудь редкий заказ самому Посейдону. Обшаривая вдоль берега свои «плантации», как он их называл, Краббс заметил какой-то блестящий предмет. Подойдя поближе, он не поверил своим

глазам. Перед ним лежала та самая серебряная ракушка, которую он когда-то столь опрометчиво продал чудаку де Марину и которую тот так загадочно куда-то задевал. Так вот где она!

Неужели этот Эрми был таким дураком, что бросил её просто так? Или это шторм перетряс все его заначки? Как бы там ни было, Краббс быстро схватил находку и, довольный, пошёл в лавку. Уже сегодня он собирался послать своих людей к Посейдону. С такими делами, как показывал его собственный опыт, лучше было не затягивать.

Глава 4

Юный капитан болен

Большой корабль на всех парусах уверенно шёл вперёд. Управлять им было совсем не сложно. Если только тогда, когда начиналась качка или на дисплее мигало предупреждение о том, что приближается мель или коралловые рифы. Команда на корабле тоже была славная и послушная. Они выполняли любой приказ капитана, тому даже не нужно было сходить со своего места, чтобы решить какой-то вопрос. Команда была одинаково сильна как для того, чтобы выдерживать тяготы плавания и ухаживать за судном, так и для того, чтобы давать отпор вражеской флотилии, если та попадалась. Капитану даже нравилось воевать. Какое это удовольствие – одним нажатием кнопки палить из пушек и топить целые корабли. Сразу чувствуешь себя всемогущим. А какое ощущение свободы и простора, когда ты плывешь в открытое море, и перед тобой только синь, синь да синь... Особенно когда тебе 15 лет. Только вот солёный морской ветер почему-то не обдувает лицо юного капитана. Крики чаек слышны, да. В этом плане всё детально продумано. Даже смачные ругательства матросов как будто звучат на заднем

фоне. Но в силу технической невозможности нет, например, свежего морского запаха. Может быть, это и ничего? Не это самое главное. Главное, что есть возможность почувствовать себя героем и путешественником, не выходя из комнаты. И эта возможность в равной мере предоставлена всем десяти мальчикам в классе. И каждый из них капитан! Только подумать! Но даже при возможности всем быть равными не все равны. Кто-то потопил больше кораблей, кто-то нагребил больше денег, кто-то быстрее доплыл до пункта назначения. Ами казалось, что он самый успешный здесь капитан, ведь он почти не выходил из этой комнаты. С тех пор как они переехали в этот город, он каждый день тренировался. Можно сказать, он начал тренироваться даже ещё раньше, до переезда. И именно поэтому его позвали сюда, как раз поэтому он так нужен здесь. С самого детства он строил корабли. Конструировал и мастерил. Небольшие модели. И запускал их на воду. Он очень хорошо знал, как это делается. Но родители постоянно говорили ему, что это бесполезное занятие, что сейчас это никому не нужно. А оказалось, что и это может пригодиться. Если применить эти навыки в виртуальной реальности. Прелести виртуальной реальности Ами познал ещё до переезда, но тогда он не мог оценить их в полной мере. Ему мешало море и что-то ещё. Или кто-то. Он уже точно не помнил.

Но когда они приехали сюда, он стал свободен для того, чтобы полностью погрузиться в этот мир. Море здесь было, но оно было совсем не таким. Оно, скорее, напоминало декорацию, а не живое существо, как там. И по ту сторону экрана море тоже было таким же. Да, море в этом городе и море по ту сторону экрана ничем не отличались друг от друга. Только море в городе всё-таки было чужим, он не мог уйти в него и стать капитаном, а тут мог.

Однажды в детстве, когда он читал приключенческие романы и был очень наивен, к пристани, которая была недалеко от их посёлка, причалила

небольшая яхточка. Он тут же подбежал к ней, ведь он так долго ждал её. Целых 8 лет со дня своего рождения. Это была всего лишь яхта, но ему она казалась огромной, как корабль. Он нашёл человека, похожего на капитана, подошёл к нему и сказал, как обычно говорили в таких случаях:

– Здравствуйте! Моё почтение Вам, уважаемый капитан. Меня зовут Ами, и я хотел бы поступить матросом на ваш корабль.

Капитан, в одной руке держа сигарету, в другой – банку с пивом, и потягивая из неё, смерил Ами насмешливым взглядом и засмеялся.

– Хорошая шутка, пацан! – сказал он Ами.

– Это не шутка! – нахмурился Ами.

– Слушай, хватит тут вертеться под ногами. Иди поиграй в другом месте.

Ами опешил. Он никак не ожидал такого ответа. Удрученный, ничего больше не говоря, он повернулся и побрел прочь с яхты. Сзади продолжали раздаваться усмешки.

Это только в книгах было просто взять и наняться на какой-нибудь корабль. Это только в книгах было легко пуститься в приключения, стать самым юным капитаном, смелым и свободным... Вечером Ами рассказал эту историю папе. Папа засмеялся. Не так злобно, как капитан яхты, нет, ласково, но всё равно обидно.

– Дурачок, Ами! Кто же так устраивается на работу? Сейчас, чтобы попасть на какое-либо судно хотя бы матросом, надо учиться. Надо пройти много инстанций прежде чем тебя примут туда на работу. Ты просто начитался приключенческих романов.

С тех пор Ами больше никогда не пытался так попасть на корабль. Но продолжал мечтать о том, чтобы ходить по морю, даже мастерил маленькие корабли и запускал их в море. А потом, в 13 лет, он познакомился с виртуальной реальностью. И понял, что здесь можно быть сильным, смелым, свободным, не прилагая к этому никаких особых усилий. К тому же здесь

могли пригодиться его навыки. И сейчас, играя в очередную морскую стратегию, он потихоньку готовился к своему будущему делу. Он хотел рисовать корабли для таких игр. Он достаточно хорошо в них разбирался, чтобы делать это. И здесь, в городе, это было очень востребовано. Тут каждый хотел почувствовать себя сильнее и лучше, чем он есть на самом деле, поэтому все занимались возведением этой виртуальной империи. Они работали, создавая эту империю, чтобы потом отдыхать, погрузившись в неё. Вот такой была городская жизнь. Родители Ами тоже неплохо вписались в эту виртуальную жизнь. Они считали, что вытащили счастливый билет с этим городом, и совсем не вспоминали дом у моря, а если и вспоминали, то отзывались о той жизни негативно, с презрением: мол, чем там вообще можно заниматься, это не жизнь и т.д.

Большой Город был полон такими людьми. И всё было бы хорошо, но иногда в городе начинался какой-то сквозняк, особенно по ранней весне, как сейчас. Если кто-то попадал под такой сквозняк, он мог подхватить простуду. Простудившемуся человеку начинало казаться, будто город душит его. Ему хотелось убежать отсюда. Он начинал уставать от однообразия дней, а когда он оказывался в виртуальной реальности, его начинало тошнить. Такому простуженному человеку вдруг хотелось чего-то большего, но он не мог понять, чего. Болеть таким было стыдно. Это значило, что в человеке сидит вирус, из-за которого и возникает эта болезнь. Сквозняк лишь провоцирует её. Но сам человек – испорченный, непригодный для жизни в Большом Городе. Такого ставили на учет, и к нему уже не было прежнего отношения. Он мог потерять свой статус, переход на следующие этапы виртуальной реальности был навсегда закрыт для него. Но даже у простуженных был шанс: существовал специальный порошок, способный излечить от этой болезни. Его везли издалека и продавали из-под полы. Обычно такой товар можно было найти на Ярмарке, потому что там чего только не было. Никто не знал, из чего

делается этот порошок, но он действовал. Человек излечивался. Стоил порошок дорого, но он того стоил. Странное дело. Хоть правительство Города и стремилось к выявлению больных, оно закрывало глаза на завоз этого порошка. Оно и было понятно: ведь единичные случаи заболеваний могли привести к эпидемии, и неизвестно, чем это вообще могло бы закончиться. Это был не изученный вопрос. Поговаривали, что у власти стоят люди, лично заинтересованные в прибыли от порошка и лоббирующие этот сегмент черного рынка. Может быть, это и в самом деле так, но человеку, подхватившему эту заразу, было всё равно. Главным для него было во что бы то ни стало достать этот порошок, пока ещё не слишком поздно.

Вот и Ами сейчас почувствовал себя странно. С ним такое уже бывало. Возможно, в нём был слишком силен вирус прошлой жизни. Ами знал, куда идти в таком случае и что делать. Но ему было досадно, что его просквозило именно сейчас! А чего он хотел? Весна. Вот его уже начинало тошнить от вовлеченности в игру. Он уже не чувствовал себя всемогущим. А только жалким и немощным. Ему хотелось пойти гулять, ходить вдоль моря, вырваться за город. Что там за городом? У него перед лицом стали мелькать какие-то лица, дома, картины... Какая-то девочка в тельняшке и соломенной шляпе... Ракушки... «Так, хватит тянуть! Пора идти на Ярмарку», - подумал Ами. Он надеялся, что на Ярмарку уже завезли порошок в связи с сезонным обострением.

Он осторожно огляделся по сторонам: посмотреть, что делают другие парни. Он не хотел, чтобы кто-то заметил его состояние. Но все были увлечены игрой. Ни к кому больше не прицепилась эта зараза! Ну что он за неудачник! Надо было бежать на Ярмарку, пока никто не заметил и пока лихорадка не вышла из-под контроля.

Ами осторожно встал из-за стола и быстро направился к выходу. Уфф, он за дверь. Теперь – на всех парах на Ярмарку! И он помчался по длинному

коридору к лестнице. С каждой секундой ему становилось всё хуже и хуже, высокие серые стены вызвали головокружение. А образ яркого, красивого дома с корабликом и русалкой на стене становился всё ярче и ярче. Ами тряс головой, чтобы прогнать это наваждение. Кажется, в этот раз приступ был намного сильнее.

– Где же эти торговцы? – Ами злостно выглядывал кого-нибудь, у кого можно было купить порошок. Один раз он уже ошибся, обратившись к мужчине в тельняшке, продававшему попугая. Ами думал, что человек, продающий порошок, должен быть приезжим из каких-то заморских стран и иметь необычный вид. Он и забыл, что в прошлый раз продавцом был какой-то невзрачный человек. Видимо, он был настолько невзрачным, что даже не запомнился, как будто встречи и не было.

Блуждая между рядами и уже начиная сильно нервничать, Ами вдруг услышал, как кто-то тихонько окликнул его.

– Эй, паренёк! Кажется, у меня есть то, что ты ищешь.

Ами оглянулся и увидел какого-то мужчину. Такого и не сразу заметишь в толпе, настолько стёрта и замутнена была его внешность.

– Откуда вы знаете, что я ищу? – на всякий случай не стал сразу всё выкладывать перед торговцем Ами.

– У тебя такой вид, ты явно подхватил весеннюю лихорадку. Ещё минута промедления – и ты не жилец этого города. А может, и вообще не жилец. Так вот. А я могу тебе помочь. Пойдем, – и мужчина поманил Ами в какую-то подворотню.

Там он достал из кармана сверток и показал Ами. В свёртке был сиреневый порошок.

– Ну что? – спросил продавец, ожидая, когда Ами одобрит товар и рассчитается с ним.

Ами поинтересовался:

– А это точно то, что надо? Просто когда я покупал в прошлый раз, порошок был бирюзового цвета.

– Ты до этого только один раз брал товар?

– Да, мы недавно с родителями переехали в Большой Город, только второй год пошёл.

– Если бы ты брал чаще, ты бы знал, что эти порошки бывают разных цветов. Всё зависит от того, из чьего сердца они...

– Они – что? Как понять – из сердца? – удивился Ами. «Причем тут сердце?» – подумал он.

«Чёррт! – выругался про себя мужчина. – Это же мальчишка. Ему не полагается этого знать. Ещё не станет пить, если узнает». И он стал думать, как выкручиваться.

– Ну так что? – спросил Ами. Этот тип выглядел всё подозрительнее.

– Эээ, парень. Тебе никто не рассказывал, как делаются эти порошки? Дело в том, что некоторые добрые люди из далёких земель, зная, как страдают жители Большого Города во время весенней лихорадки, соглашаются помочь им. Они добровольно отдают частичку своего сердца для изготовления этого порошка. У всех сердца разные – у кого-то яркие, у кого-то тусклые, у кого-то бирюзового цвета, у кого-то сиреневого. Чем добрее и чище человек, тем красивее цвет его сердца. У каждого сердца свой цвет, сердца неповторимы. Каков человек, таков цвет его сердца. Видишь, у этого порошка приятный сиреневый цвет. Значит, жертвование сделал хороший человек. Порошок качественный. Так что бери, не пожалеешь. Только никому не говори, а то правительство узнает об этих людях, и они больше не смогут нам помогать.

Для Ами слова торговца были в диковинку, но звучали они очень убедительно, да и самочувствие ухудшалось, поэтому он решил купить порошок.

Когда он уже рассчитался и положил в карман заветный свёрток,

продавец вдруг окликнул его.

– Слушай, парень, а не хочешь ещё кое-что купить?

– Что? – Ами не очень любил навязчивых личностей, но в этот раз почему-то ему стало интересно. Мало ли чем ещё торгуют эти загадочные люди. Может быть, эликсиром вечной молодости или мировым могуществом.

– Да так, одна безделка. Амулет виртуального капитана, правая рука, верный помощник, – продавец подмигнул Ами и достал из кармана какой-то яркий предмет. Продавец знал, что все мальчики города сейчас бредят морскими квестами.

Это была разноцветная ракушка.

– Да это просто разрисованная ракушка! – воскликнул разочарованный Ами.

– Нет, присмотришь.

И Ами увидел, как внутри ракушки кто-то шевелит лапками.

– Там сидит рак-отшельник, – пояснил мужчина.

Ами удивило то, что обычно раки-отшельники сидят в серых раковинах, насколько он помнил, а этот был в разноцветной. Чудеса!

– Сколько?

– Триста!

– Нет, это дорого.

– Ну хорошо, бери за 150, – согласился продавец. – Сделаю тебе скидку за покупку порошка.

И продавец передал парню рака вместе с баночкой, а потом быстро скрылся.

Ами взял покупку и пошёл домой. Надо было срочно принять лекарство.

По дороге у него появились мысли: и зачем только он взял этого рака? Наверное, болезнь окончательно подействовала на него. Продавец-то, конечно, остался доволен, что так быстро удалось сбыть товар...

Дома никого не было. «Как хорошо! – подумал Ами. – Не будет лишних вопросов от родителей». Юноша достал из кармана порошок и приготовился уже к процедуре. Вдруг его взгляд упал на существо в банке. Зачем-то Ами решил достать его и рассмотреть. Словно бы что-то знакомое чудилось ему в этой ракушке. Как будто привет из какого-то тумана воспоминаний. Ами стал вертеть в руках раковину. Из неё никто не торопился вылезать. Ракушка была яркой, мастерски разрисованной, её было приятно держать в руках. Сбоку на ней были чуть заметные буквы. Это мог заметить только юный мальчишка, как Ами, у которого ещё свеж и остёр взгляд и который подсознательно ищет везде приключений. «Майя и Ами» было написано на раковине крохотными буквами. «Моё имя?» – удивился Ами. Какие-то смутные воспоминания стали волнами набегать на него. Тут дверь в коридоре стукнула. Ами посмотрел, кто там, но никого не было. Всё равно надо было поторапливаться, родители могли прийти с минуты на минуты. Ами отложил раковину, решив потом погрузиться в воспоминания, и взял немного порошка из мешочка. В этот момент раковина зашевелилась и из неё показалось какое-то существо. Ами уже давно не видел морских обитателей, он и забыл, как выглядят раки-отшельники. Он уставился на обитателя раковины. Тот уставился на него. Потом протянул ему клешню и сказал: «Имею честь представиться, Эрми де Марин». Тут Ами совсем уж удивился и даже забыл о порошке, потому что не помнил, чтобы морские твари разговаривали.

«Д-д-добрый день... вечер... А я Ами», – растерянно сказал парень.

Вид у рака был очень дружелюбный, поэтому Ами аккуратно слегка притронулся к его клешне.

– Значит, ты и есть Ами, – произнёс Эрми.

– Да, но что всё это значит? Почему ты разговариваешь и почему у тебя на панцире моё имя?

– Эта ракушка не просто мой домик. Это подарок тебе от одного человека.

Ами удивился ещё больше: такое бывало только в сказках.

А Эрми сразу понял, что это и есть тот самый друг его милой Майи, он сразу узнал его, потому что помнил по фотографии, как тот выглядит. И Эрми рассказал юноше свою историю. Рассказал о морском берегу, о волшебных домиках, о Майе.

Ами вспоминал всё это, вспоминал, что обещал Майе писать письма, но так ни разу с тех пор и не написал... По мере того, как память и любовь возвращались к нему, он забывал о порошке, о виртуальной реальности. Ему хотелось туда, к морю!

– Эрми, мне бы хотелось там побывать. Увидеться с Майей.

Эрми не ответил.

– Что такое? – спросил Ами.

– Дело в том, что Майя заболела. Когда я уезжал, я так и не смог с ней повидаться. Не знаю, как она сейчас. Я оставил ей послание на песке, может быть, она прочла его, и оно придало ей сил и вселило надежду...

– Так надо поехать туда и узнать, как она!

– Эх, это очень далеко. Мы плыли сюда несколько дней. И сложно. Я не знаю, на чём мы могли бы снова добраться туда. Как я уже говорил, мы плыли в трюме корабля, и это небезопасно.

– Я должен снова попасть туда! Я сегодня поговорю с родителями, вдруг они захотят съездить туда на каникулы.

– Ами. Я хотел ещё кое-что сказать тебе. Мы должны спешить. Пока я был у этих ужасных людей, я кое-что понял. Помнишь, этот торговец сказал тебе, что порошок делается из частички сердца добрых людей, которые добровольно отдают её? Так вот. На самом деле всё не так. Эти люди не отдают часть своего сердца сами. У них забирают её. Забирают, когда они больны и несчастны. Это действительно очень добрые люди, иначе порошок не

был бы таким действенным. Но чем моложе, чем чище и светлее человек, чем больше эффект от порошка и тем красивее его цвет. Поэтому эти злодеи охотятся за юными, прекрасными, но беззащитными существами. Мне кажется, Майя в опасности.

– Что же делать? Получается, мы все пьем порошок, сделанный из сердец этих существ?

– Да, похоже, что так...

Тут дверь снова стукнула. На этот раз кто-то точно зашёл в квартиру.

– Ами, ты уже дома? – раздался строгий женский голос.

– Да, мама, – Ами выглянул в коридор.

– Почему ты не в компьютерном классе?

– Эээ... Да нас сегодня отпустили пораньше.

– Что с тобой? – мать внимательно посмотрела на Ами. – Ты нездоров?

Мать Ами работала врачом в военном госпитале. Отец служил на секретном военном объекте. Так уж повелось в этой семье, что отец убивал, а мать лечила людей. Но лечила для того, чтобы они могли снова встать в строй и убивать.

– Да, немного кружилась голова сегодня, – Ами почему-то не хотел говорить, что у него была весенняя лихорадка, потому что тогда ему пришлось бы рассказать про поход на рынок и про то, что никакой порошок он не принял и принимать не собирается.

Вообще Ами нередко приходилось врать своей матери: она была очень властной женщиной, окружающие побаивались её.

– А у тебя случаем не весенняя лихорадка, мой мальчик? – тут же предположила мать. – В городе уже зафиксировано несколько случаев.

– Да вроде бы нет...

Тут дверь снова хлопнула: это вернулся отец. Отец, хоть и был военным, тоже побаивался матери. В домашней жизни он почти ничего не

решал.

Ами очень хотелось как-нибудь вызнать, не собираются ли родители съездить в домик у моря, но решил дожидаться ужина.

Вечером, когда семья собралась на кухне, Ами всё-таки поинтересовался:

– Мам, пап, а помните, как мы жили у моря?

– Почему ты об этом спрашиваешь? – насторожилась мать. С тех пор, как они сюда переехали, они почти не вспоминали прошлой жизни.

– Ну, просто... Может, вы собираетесь туда поехать.

Мать и отец переглянулись. Уж не весенняя ли лихорадка?..

Мать подошла к Ами и пощупала губами его лоб.

– Что мы там забыли? Нам и здесь неплохо живется, – сказала Ами мать. – Мы работаем, ты учишься, мы все методично идём к своим целям.

– Тем более дом мы там продали, – добавил отец.

– Так что эта тема закрыта, – закончила мать.

Ами вздохнул, доел свой ужин и пошёл в свою комнату думать, как ему поступить.

Там его ждал Эрми.

– Ну, как дела? – спросил тот у мальчика.

– Не очень. Родители не хотят ехать в наш домик у моря. Они подозревают, что у меня весенняя лихорадка.

Тем временем родители говорили между собой на кухне.

– Что это его туда так потянуло? Может быть, это из-за той соседской девчонки? Весеннее обострение, – съязвила мать. – Наверное, она прислала ему письмо.

– О какой девчонке ты говоришь? – спросил отец.

– А ты не помнишь? Майя, художница. Никогда не любила их семью. Ами постоянно таскался к ним, они играли вместе на берегу, потом вроде как

обменялись адресами...

– Да что ты так взбеленилась на неё?

– Во-первых, я не «взбеленилась». Не говори обо мне в таком тоне. Во-вторых, нам эта девчонка и близко не нужна. У нас другие планы. Ами перспективный мальчик, пусть учится презирать чувства и идти к своей цели. Сейчас поговорю с ним. А такие, как она, годятся только на порошок.

Сказав это, мать пошла в комнату Ами. Эрми еле успел спрятаться за стопку книг.

– Ами, я думаю, ты всё-таки приболел. Давай завтра ты посидишь дома для профилактики. А то мало ли что... Ещё опозоришь нас всех где-нибудь. Я дам тебе немного порошка.

– Угу, – Ами ничего не оставалось, как согласиться.

– И всё-таки почему тебя так тянет туда? Уж не из-за той ли соседской девчонки?

– Майи? – обрадовался было Ами.

– Да, её самой. Знаешь ли ты, что не успел ты уехать, как у неё уже появился новый друг?

– Неправда. Откуда ты знаешь?

– Знаю. Юные девочки быстро забывают своих друзей. А вот дело не предаст тебя никогда. Если ты ей дорог, она тебя дождётся даже через десять лет.

Ами задумался. А вдруг у Майи и вправду появился новый друг?

– Мама, говорят, она сильно заболела...

– Хаха, глупыш, да это же просто уловка. Ей, наверное, не хватает внимания, вот и вспомнила о тебе. Она всегда была какой-то странной, излишне эмоциональной. Нет, сынок, дело – в первую очередь!

На самом деле его родители только так говорили. Они хотели, чтобы он принадлежал не столько делу, сколько им самим. Они не любили то, что не вписывалось в их планы.

– Ладно, сыночек. Я пойду. Доброй ночи тебе! Завтра утром дам тебе лекарство, если состояние не улучшится.

Мать поцеловала Ами в макушку и ушла.

Эрми несмело вышел из стопки книг.

Ами посмотрел на него.

– Ами, ты действительно в это веришь? – спросил Эрми. – Твоя мать хорошая женщина, но зачем она говорит то, чего не знает?

И Эрми стал подробно рассказывать про Майю, всё, что он знал про неё, всё, что видел. Он пересказал даже то, что Майя говорила ему про Ами...

Они ещё очень долго разговаривали перед сном. Эрми рассказывал про море, про дома на побережье, про свою жизнь на морском дне... Ами слушал это, и сердце его всё больше оттаивало. Незаметно для себя он заснул, даже не успев подумать, что же делать дальше.

Встав утром, он кинулся к двери. Она была закрыта изнутри. Под дверью лежала записка. «Мой сладенький Ами! Я ушла за лекарством, не волнуйся, скоро вернусь. Твоя мамочка».

– Что же делать? – спросил Ами Эрми де Марина. – Сейчас она вернётся, даст мне порошок, и всё кончено. Я снова забуду о домиках на побережье, о Майе...

– Ами, мы можем как-нибудь сбежать?

Ами посмотрел в окно: было слишком высоко...

Тогда они решили действовать по-другому.

Ами взял свой старый рюкзачок, с которым ходил ещё на прогулки с Майей, бросил туда несколько вещей первой необходимости. Банку с Эрми он положил в нагрудный карман. Потом он встал около двери и стал ждать мать. Через какое-то время раздался звук открывающейся двери.

– Ами, я вернулась! Ты проснулся? – крикнула мать.

Ами молчал.

Она стала открывать дверь в комнату. А дверь открывалась вовнутрь, так что Ами мог притаиться за ней и потом тихонько выскользнуть в коридор. Что он и сделал, когда мать зашла в комнату. Потом он открыл дверь в прихожей. Он толком не помнил, как он это сделал, слышал, что мать что-то кричала ему вслед, даже бежала за ним. Но он был уже далеко и во весь опор нёсся по лестнице. Выбежав на улицу, он поплутал переулками, чтобы запутать след, а потом отправился к морю. Он шёл по городу и как будто бы в первый раз видел, какой этот город неуютный. Когда он пришёл к морю, то заметил, насколько оно неживое. «Как здесь живут люди?» –подумал Ами. «Как я мог здесь жить?» И ему ещё больше захотелось домой, на морское побережье. Но как туда попасть? Эрми рассказывал, как он добирался сюда, но вряд ли бы это получилось с Ами.

Пока они думали, Ами решил послать телеграмму Майе. Он нашёл её адрес в старом блокноте. Обратный адрес он писать не стал, просто указал номер почтового отделения. Он надеялся получить ответ как можно скорее, а пока будет дожидаться его, попытаться как-нибудь устроить своё отбытие.

Глава 5

К Майе

Больничную палату заливал яркий, чистый солнечный свет. Майя лежала на кровати и была очень слаба. Когда у неё появлялось немного сил, она рисовала. Рисовала море, домики на побережье, маленького храброго Эрми, себя рядышком с Ами... Дни тянулись медленно и тоскливо, врачи молчали, ничего не происходило. Майе уже казалось, что она умерла и находится вне времени: настолько светло и тихо было вокруг.

Но сегодняшнее утро принесло ей сюрприз. Приехала мама и сказала:

– У меня для тебя кое-что есть. Пришло только вчера, я сразу же решила лично тебе привезти. Вдруг это поднимет твоё настроение.

Майя была заинтригована. Что же там?

Мама достала из сумочки какую-то бумажку и с улыбкой протянула Майе.

Майя взяла её бледной, чуть дрожавшей рукой. С каждой буковкой сердце её начинало биться всё сильнее: «Милая Майя мы Эрми едем тебе тчк твой Ами».

Это было настоящее чудо! Наконец-то Ами написал ей. Но как они встретились с Эрми? Надо срочно ответить им. Она посмотрела в графу обратного адреса: там было указано только почтовое отделение. Можно было бы попробовать написать туда. Но телеграммы – это всё-таки медленно. Вот бы связаться по телефону... В больнице был телефон. Может быть, если написать этот номер, Ами сможет позвонить ей?

Майя попросила маму отправить Ами телеграмму с номером и стала ждать. Она ни на минуту не выпускала из рук заветную бумажку. Впервые за долгое время она чувствовала прилив сил.

Тем временем Ами ходил по порту и думал, что делать. Эрми предложил:

– Может быть, попроситься на какой-нибудь корабль матросом?

– Вряд ли возьмут. Я тоже раньше думал, что это так легко, но сейчас никого не берут на корабль таким образом. Нужны деньги, а у меня столько нет...

И Ами рассказал историю из своего детства, когда он попросился на один корабль, но его не взяли и только обсмеяли.

Так получилось, что недавно к берегам Большого Города пришвартовалась одна яхточка. Называлась она «Энигма». Капитаном её был очень эксцентричный, но добрый человек. Он уже несколько лет бороздил

просторы разных водоёмов. Сюда он попал случайно и понял, что ему совсем не нравятся эти места. Но надо было дожидаться, когда устранять одну небольшую, но неприятную поломку. И в ожидании он сидел на палубе под зонтиком, делая какие-то записи. Свою небольшую команду он пока отпустил, чтобы они отдохнули. Он надеялся, что Город не успеет опутать их души и все они вернутся к нему такими же славными ребятами, как уходили. У него самого же не было никакого желания погружаться в этот город. Он старался даже не смотреть на него, а глядел куда-то в морскую даль. Но он давно заметил какого-то подростка, бродившего по набережной. И подросток тоже заметил его.

– Может, всё-таки попробуем попроситься на ту яхту? – спросил Эрми. – Мне она почему-то нравится.

– Эрми, ты что, хочешь, чтобы я окончательно разочаровался в людях? Надо мной там просто посмеются.

– А вдруг нет?

Ами долго стоял в раздумье. Он вспоминал историю, ранившую его в детстве, но в тоже время он понимал, что надо как-то действовать.

Наконец он переборол себя, подошёл к яхте и обратился к человеку на палубе.

– Здравствуйте! Простите за беспокойство...

Человек, видимо, капитан, внимательно оглядел его с ног до головы.

Робость на минуту сковала язык Ами, но, сглотнув, он решил сразу всё сказать напрямую. Будь что будет.

– Не нужны ли вам матросы? Мне нужно попасть на одно морское побережье.

– Здравствуйте, юноша! – вдруг сказал ему человек. – Поднимитесь сюда на палубу.

Ами стоял в нерешительности.

– Ну, ну, поднимитесь же! Я вас приглашаю.

Ами поднялся. Человек указал ему на стул, налил лимонада. Он не проронил ни слова, пока делал всё это, зато потом, сев за стол, сказал:

– Разрешите представиться, капитан Вайт. А как вас зовут?

– Ами.

– Ами, я хочу вам кое-что сказать.

Ами уже приготовился выслушать насмешку и окончательно разочароваться во владельцах яхт.

– Ами, вы сказали, что хотели бы работать у меня матросом. Это всё хорошо. Возможно, у меня даже нашлось бы место. Это не проблема. Но сначала я хотел бы услышать что-нибудь о вас и о ваших планах.

Ами пришлось вкратце, но искренне обо всём рассказать.

–Надо же. А у вас хорошие цели, молодой человек. Делать что-то ради другого человека – это благие цели. А ещё когда вы рассказывали, вы упомянули о своём товарище... Эрми... Где же он?

– Ээ... Вы знаете, он немного странно выглядит. Это не совсем человек.

– Да? – капитан удивился и подался вперед. Как человек эксцентричный, он любил всякие диковины.

– Я не знаю, как вы к этому отнесётесь, но, в общем, он...рак. Рак-отшельник.

– О, так это же прекрасно! Мне не терпится с ним познакомиться.

Тогда Ами вытащил из кармана банку и поставил Эрми на стол.

– Здравствуйте! – поприветствовал капитана Эрми и улыбнулся. – Разрешите представиться: Эрми де Марин.

– О, прекрасно! – воскликнул капитан. – Какая у вас необыкновенная раковина!

Некоторое время он с любопытством и восхищением разглядывал раковину Эрми, а потом сказал:

–Ну так что сидите? Приступайте к работе. Вы приняты!

Ами не поверил своим ушам. Неужели у него получилось? Тогда не

получилось, а сейчас получилось! Значит, это не просто приключенческие сказки! Знали бы это его родители...

–Так когда вы сможете приступить к своим обязанностям? – спросил капитан.

–Хоть сейчас.

–Хорошо. Я думаю, мы отплываем через несколько дней. Будете пока помогать мне по мелкой работе. В свободное время можете гулять.

Эрми и Ами поселили в маленькой уютной каютке. В этот же день Ами сделал кое-какую несложную работу, после чего капитан отпустил его, ещё и дав немного мелочи. Ами тут же бросился на почту: вдруг пришёл ответ от Майи.

Так и было! Там уже лежала для него телеграмма. В ней был указан номер телефона.

Ами тут же побежал в телеграф и отдал всю мелочь, что у него была. Этого должно было хватить на пять минут разговора.

Но ему ответила не Майя, а какая-то женщина со строгим и злым голосом. Она сказала, что он позвонил в больницу и что сейчас уже поздно.

– Но как так? Ещё только 6 часов вечера.

– Приемные часы уже закончились.

–Так я же не пришел, а просто звоню. Мне необходимо срочно переговорить с пациенткой Майей.

Ами препирался с женщиной на том конце провода. Драгоценное время шло. Наверное, прошла уже целая минута или две.

– Пожалуйста! – взмолился Ами. Женщина наконец прониклась пониманием и пообещала сходить за Майей. В трубке воцарилась тишина, время шло.

– Что ж вы сразу мне не сказали? – воскликнула Майя, когда работница справочной вызвала её из палаты.

–Так я почти сразу.

Майе было тяжело, но она старалась идти побыстрее. Женщина поддерживала её.

– Алло!

– Уф, успела... - выдохнул Ами. –Майя, здравствуй! Как ты?

– Нормально. То есть не очень, но скоро всё наладится. Я получила твою телеграмму, она исцелила меня!

– Майя, мы скоро приедем, я нанялся на корабль!

– Ух ты! Я буду ждать! А Эрми тоже с тобой?

–Да.

– Он отдал тебе кулон?

– Кулон?

– Ну, тот, что ты мне подарил...

– Нет...

– Я думала, он забрал его. Я кинула его в море перед отъездом в больницу. Я очень хотела, чтобы этот кулон был у него.

– Да, Майя, я обязательно спрошу у него.

– Передавай ему большой-большой привет! Я постараюсь вас дождаться.

– Майя, мы скоро приедем! Мы увидимся. Я...

На этом моменте связь оборвалась.

– Чёрт! – воскликнул Ами. Голос Майи исчез из телефона и остались одни короткие гудки...

– Ну что? – спросил Эрми. – Что она говорит?

– Она передаёт тебе большой привет. А ещё говорит, что у тебя должен быть кулон. Но ты же вроде рассказывал, что вернул ей его...

– Да. Странно.

– Она сказала, что бросила его тебе в море перед отъездом в больницу.

– Хм. Меня уже не было там тогда. Ведь я даже не успел попрощаться с ней.

Неужели он лежит сейчас на морском дне? А может быть, жадный Краббс

захватил его... Что же делать? Майя очень расстроится, если кулон потеряется...

– Может быть, сначала найдем кулон?

– Да, давай так и сделаем, а потом с кулоном уже к Майе.

Через пару дней яхта отчалила от берега Города. Ами переполняло ожидание встречи.

Капитан Вайт и его команда оказались очень хорошими людьми. Они быстро подружились с Ами и Эрми, постоянно угощали их сладостями. Плавание шло своим чередом, пока его не прервало одно происшествие: куда-то пропал Эрми. Ами осмотрел весь корабль в его поисках, но нашёл только пустую баночку.

– Что же теперь делать? Что стало с Эрми? Вдруг его склевала какая-то птица? – не находил себе места Ами.

– Может быть, его смыло волной? – предположил кто-то из членов команды.

Капитан Вайт принял решение немного вернуться и осмотреть морскую поверхность, но и это не дало результатов... «Что поделаешь... – думал Ами.

– Не возвращаться же в Город. Меня ждёт Майя. Я обещал ей приехать. А потом мы вместе во что бы то ни стало отыщем Эрми».

И всё-таки Ами не находил себе места и корил себя за то, что не уследил за своим другом.

А предположение о том, что Эрми могло смыть волной, оказалось, как ни странно, верным. Эрми и сам не понял, как это произошло. Он просто сидел на солнышке, как яхту резко качнуло, борт захлестнуло языком волны. Он не успел опомниться: его всё сильнее увлекало на дно. Он попытался было подняться к поверхности, но толща воды была слишком тяжелой.

Очнулся Эрми уже на самом дне. Вокруг было много морских ежей. Они с любопытством оглядывали гостя.

– Скажите, пожалуйста, где я очутился?– спросил у них Эрми. – И как отсюда лучше выбраться на сушу?

– Это Атлантика, сударь. Мы точно не знаем, как вам лучше выбраться, но здесь недалеко сейчас проходит выставка-ярмарка, там очень много народу, может быть, кто-то сможет вам помочь.

Эрми оживился: «Да это же та самая выставка, на которую я сюда ехал!»

– Проводите меня туда, пожалуйста! – тут же попросил он у ежей.

Через пару часов ускоренной ходьбы они увидели большое пёстрое столпотворение. Играла музыка. Эрми стал бродить среди толпы в надежде встретить кого-то из знакомых. Где-то здесь должны были быть креветки из кабаре.

Тут он увидел, что оказался в каком-то гроте. Это был зал, красиво подсвеченный медузами. Повсюду стояли всякие необычные вещи, ходили морские существа и рассматривали их. Только сейчас он понял, что тоже является объектом внимания: вокруг него уже собиралась толпа, его обсуждали, показывали на него пальцами.

– Какая необычная раковина! – с видом знатоков говорили изящные морские коньки и что-то отмечали у себя в блокнотах.

– Изумительно! – вздыхали маленькие рыбки.

Эрми вспомнил, что он тоже должен был быть экспонатом этой выставки. Но сейчас он хотел найти кого-нибудь из знакомых. Кое-как ему удалось продрасться через толпу. Он быстро пошёл вглубь зала и вдруг встал как вкопанный: в самом центре стоял постамент, а на постаменте лежал... кулон Майи! Эрми подбежал к нему:

– Вот же он! Как он здесь оказался?

Эрми попытался взять его с постамента, но не успел он протянуть свою

лапку, как заработала какая-то сирена и со всех сторон его окружили черные угри.

– Вор! – загалдели вокруг.

– Я не вор! – крикнул Эрми. – Я всё объясню. Это мой кулон. Точнее, я знаю человека, которому он принадлежит, и должен вернуть его.

– Это вы расскажете на морском трибунале, – сказал ему один из охранников.

– Вы посягнули на собственность самого Посейдона.

– Да как же так??? – в отчаянии воскликнул Эрми. – Отпустите меня, я всё объясню, я не вор!

Но его продолжали куда-то тащить. Всё смешалось. Ему показалось, что он видел знакомую креветку, но ничего не успел ей сказать. Он вырывался, пытался что-то объяснить, но его всё-таки бросили в какую-то клетку, точнее, в скелет какой-то рыбы, который и был клеткой для содержания заключенных. Парочка угрей была приставлена, чтобы дежурить у его входа.

Он не знал, сколько пролежал в этой клетке. Ему казалось, что целую вечность. Тут стражник подошёл к нему и сказал: «Готовьтесь! Вы приговорены к смертной казни. Через несколько часов за вами придут».

– Но как же?.. – опешил Эрми. – Без суда и следствия! Что я такого сделал, в конце концов? Просто подошёл к постаменту!

– Высочайшим именем морского владыки Посейдона. Подобные преступления должны пресекаться на корню. Это распоряжение его Величества.

«Всё кончено! – подумал Эрми. – Сейчас погибнет последний потомок славного рода де Маринов... Какой бесславный конец: быть казнённым, будучи обвинённым в воровстве...»

Эрми лежал и пытался смириться со своей ужасной участью. Он не знал, что будет с Ами, ему было очень жаль, что он не смог доставить им кулон и что никогда больше не увидит ни Майю, ни родное побережье...

Настал час: стражники открыли дверь, схватили Эрми и куда-то повели.

«Начинается...» – подумал Эрми. И это была его последняя мысль перед тем, как он оказался в довольно-таки уютном местечке, где стояла и приветствовала его...креветка Лиза.

– Эрми! Как же так! Куда вы пропали! Мы ищем вас по всей Атлантике!

Выставка в самом разгаре, а вас нет и нет.

– Это член нашей труппы, он должен был участвовать в выставке, –

обратилась Лиза к тюремному надзирателю. – Но по дороге произошло форс-мажорное обстоятельство, мессь Эрми де Марин просто потерялся, потому что никогда не был в Атлантике. Но вот он, слава морскому Богу, нашёлся!

Уверяю вас, то, что произошло на выставке – недоразумение. Мессь не хотел красть Серебряную Ракушку Посейдона. Он просто не знал правила выставки и решил потрогать её. Так что отпустите его, и мы пойдём на выставку. Там уже с нетерпением ждут его. Ведь его раковина просто шедевр. Подумайте сами, зачем ему так раковина, если у него есть своя, в тысячу раз лучше той?

Кажется, слова креветки Лизы подействовали на надзирателя и он согласился отпустить Эрми.

– Смотрите, – сказал он ему на прощанье, – больше не нарушайте правил Ярмарки.

А очаровательной Лизе он поцеловал руку на прощанье.

Как только они отошли от охранников и двинулись в сторону выставки, Лиза налетела на Эрми:

– Что с тобой приключилось? Где ты был всё время и почему сразу же вляпался в эту дурацкую ситуацию? Хорошо, что одна из креветок случайно увидела тебя в толпе. Иначе они бы тебя казни. Здесь очень строгие правила безопасности.

– Лиза, прости меня, я не виноват.

И Эрми вкратце рассказал, что с ним было.

– Бедный Эрми! – воскликнула Лиза. – Как же тебе достать теперь этот кулон и попасть к Ами и Майе? Так, знаешь что? Выставка подходит к концу. Тебе надо успеть в ней поучаствовать. И тогда через несколько дней мы сможем вместе поехать на побережье, так же, как и сюда. Надо будет подумать, как вернуть Серебряную Раковину. Насколько я знаю, она сейчас и вправду принадлежит Посейдону, он купил её недавно у Краббса.

– Лиза! Спасибо, что спасла меня! – вдруг сказал Эрми и крепко обнял прекрасную креветку.

Когда они пришли на выставку и Эрми занял там своё место, начался ажиотаж. Все стремились посмотреть на нового участника, особенно такого, с которым был связан целый скандал. Раковина Эрми становилась объектом внимания как простых посетителей, так и знатоков искусства. Художники зарисовывали его, фотографы снимали на камеру. Эрми лишь скромно отвечал на их вопросы, говоря, что он здесь ни при чем, что это всё его дорогая подруга Майя, которая сейчас болеет... Сам Посейдон приходил полюбоваться Эрми.

Наконец, наступил последний день выставки. С самого утра в воздухе витало лёгкое волнение. Жюри тайно совещалось у себя в уголке.

– Эрми, у тебя есть все шансы победить, – сказала Майя и подмигнула ему. – Если ты выиграешь, то получишь 100 000 золотых чешуек. Я думаю, они не будут лишними...

– Эх... – вздохнул Эрми и стал ждать объявления результатов. – 100 000 чешуек сейчас были бы очень кстати.

Тем временем председатель жюри, Дельфин Дельфийский вышел на сцену:

– Уважаемые обитатели морского и океанского дна! Я рад приветствовать вас на закрытии нашей выставки-ярмарки «Маринистик-3000». В этом году мы увидели здесь немало удивительных вещей: самые лучшие танцоры,

художники, музыканты съехались со всех уголков воды. Все показали себя с самой лучшей стороны, эта неделя была очень интересной и насыщенной. Не обошлось и без забавных инцидентов, - Дельфин Дельфийский многозначительно посмотрел в сторону Эрми («Ничего себе забавный инцидент!» – подумал Эрми.) – Жюри выражает благодарность всем участникам конкурса. Но всё-таки по правилам нам предстоит назвать победителя. Или победителей. Итак, итааак... Победителем, получающим, получающим – внимание! – 100 000 золотых чешуек объявляется... объявляется... Камчатский Краб, нарисовавший портрет Посейдона и его семейства!

Сказать, что зрители были разочарованы – это значит ничего не сказать. Чего-чего, а такого никто не ожидал. Стали перешептываться, что это имеет идеологическую подоплёку. Эрми и Лиза сидели грустные. Камчатский Краб под хлипкие аплодисменты с пафосом вышел на сцену и получил свою награду.

– Ну вот... – Эрми печально взглянул на Лизу.

– Но это ещё не всё! – вдруг заорал ведущий Дельфин, так, что все подпрыгнули, даже Камчатский Краб, растеряв в неожиданном прыжке часть своего пафоса. – У нас ещё предусмотрена специальная награда имени Посейдона! Конечно, приз символический, но, может быть, эта награда даже более почётна – ещё бы, из рук самого Посейдона! Для обладателя самой красивой раковины – Серебряная раковина из рук самого Морского Владыки! – Эрми, это же тебе! – воскликнула Лиза и вытолкнула его на сцену. Туда уже выходил сам Посейдон в сопровождении своей охраны, кажется, тех самых угрей, что сторожили Эрми.

Происходящее дальше Эрми помнил, как во сне.

Вот он выходит на сцену, все бурно аплодируют ему, Лиза смотрит на него лучистыми глазами, величественный Посейдон подходит к нему и с

улыбкой вручает Серебряную Раковину.

– Месьё Эрми де Марин! Не желаете что-нибудь сказать? – подскочил к нему с микрофоном Дельфин.

Жутко волнуясь, захлебываясь словами, плача от счастья Эрми схватил микрофон и сказал:

– Господи, как же я счастлив! Спасибо вам огромное! Эта награда для меня намного дороже, чем 100 000 золотых чешуек. Я нисколько не заслужил её, потому что моя красота моей раковины вовсе не моя заслуга, но та, что подарила мне эту раковину, как никто другой заслужила эту награду. Эта награда должна принадлежать ей. И не только эта. Я хочу, чтобы все узнали про юную, талантливую художницу Майю, которая живет на далёком морском побережье в маленьком уютном домике. Я хочу, чтобы все пожелали ей скорейшего выздоровления!

– Желаем, желаем! – закричали морские обитатели. – Передайте ей, чтобы она выздоравливала. Мы приплывем к ней в гости на побережье!

Когда Эрми сошёл со сцены, к нему подошла Лиза:

– Значит, это был не экспонат, а приз... Видишь, как всё здорово вышло! Как в сказке...

– Спасибо, Лиза! Если бы не ты...

В тот же вечер был устроен большой пир с песнями и танцами. Эрми весь вечер был в центре внимания. А наутро их труппе подали кабину, запряженную дельфинами, и стали поднимать вверх, к кораблю. Было немного грустно уезжать отсюда, но Эрми знал, что он едет к Ами и к Майе, к родному побережью.

Когда их поднимали, Лиза вдруг сказала ему:

– А почему в своей речи ты сказал, что не заслужил эту награду? Я думаю, что заслужил.

– Чем же?

– Тем, что думаешь о счастье других существ.

Когда их подняли, они пересели в трюм корабля, такой же, как на пути сюда. Им предстояла долгая и, как теперь Эрми знал на собственном опыте, опасная поездка.

Глава 6

Дома

Был солнечный апрельский день. Белая яхта пришвартовалась к старенькой пристани небольшого приморского городка. Ами вспомнил эту пристань: именно здесь в детстве над ним так жестоко посмеялись. Но теперь-то он приплыл сюда как самый настоящий моряк! Его мечта сбылась!

Он знал, что где-то здесь находится больница, где лежит Майя. Плавание прошло хорошо, хотя Эрми так и не нашёл... Капитан Вайт и команда с теплом проводили Ами и сказали, что они всегда будут рады его видеть на борту своей «Энигмы».

У Ами был адрес больницы на телеграмме, которую отправила Майя. С помощью прохожих он нашёл нужную улицу и дом. Перед дверями больницы его сердце забилося от волнения: вот, сейчас он наконец-то увидит Майю! Как он мог её забыть?

–Здравствуйте! – сказал Ами женщине, сидевшей у входа. Кажется, эта была та самая женщина, которая разговаривала с ним по телефону. – У вас должна быть одна пациентка, Майя. Можно её увидеть?

– Майя? У нас нет такой пациентки.

– Как нет? Я же недавно звонил и разговаривал с ней по телефону.

– Вот так вот – нет. Была и нет. Вы когда звонили?

– Две-три недели назад...

- Ну, молодой человек... За это время многое могло измениться.
- Её выписали? Скажите только: она жива?
- Этого я не могу вам сказать точно. Я не располагаю такой информацией.
- Но что же делать? Я давно не видел Майю. Я приехал издалека. Может, есть кто-то, кто знает.
- Сейчас здесь никого нет. Единственное, что я могу посоветовать – свяжитесь с её родственниками или сходите к ней домой. Они должны знать.
- А, молодой человек! – окликнула его женщина, когда он уже почти вышел. – После девушки в палате осталась книга.

И работница протянула ему книжку.

«А. Грин «Алые паруса» – было написано на обложке.

Ами понуро вышел из больницы и решил отправиться на побережье. Но только он сделал несколько шагов, как... откуда ни возьмись появились его мать и отец.

- Я так и знала, что он сюда поедет! – воскликнула женщина.

Ами был поражен:

- Как вы здесь оказались?
- Решили приехать отдохнуть в домик у моря, – улыбнулась мать злой улыбкой. – Ну что, повидал свою Майю?
- Её там нет... Я хочу съездить к ней домой. Вдруг она там.
- Как бы не так. Майя умерла.
- Нет!
- Да, мой мальчик. Успокойся. Поехали домой. Зачем ты сбежал из дома? Там так много дел... Тебя ждёт виртуальный мир.
- Но я не хочу в виртуальный мир! Я плыл на настоящем корабле, по настоящему морю, я работал настоящим моряком! Это возможно! А вы смеялись над моими мечтами и говорили, что это пустые приключенческие романы.

– Не говори глупостей. У тебя просто разыгралась весенняя лихорадка. Вот, выпей порошка, - и мать достала пакетик с красивым, всех цветов радуги, порошком.

– Нет, не хочу!

– Это всё, что осталось от сердца твоей Майи.

– Неправда! – но порошок был такой красивый, что это вполне могло быть правдой: душа Майи была, наверное, одной из самых прекрасных душ на свете.

– Правда, Ами, это жестокая, но правда. Именно поэтому нельзя привязываться к людям, потому что они уходят к другим или умирают.

– Я всё равно сохраню привязанность к Майе! Вы мне не сможете помешать! Даже если она и вправду умерла, я всё равно вернусь на наше с ней побережье и буду там жить, до смерти любясь на её картины и запуская корабли, названные в её честь. Сами уезжайте в свой Большой Город, сами пейте свой порошок! Я остаюсь здесь!

–А ну-ка стой! –закричала мать, но Ами уже со всех ног куда-то бежал, пока не увидел автобусную остановку. Какой-то автобус отходил от неё.

Ами еле успел заскочить на подножку.

– Это автобус до побережья?

– Да, – кивнул водитель.

Ами сел возле окна. Родные, знакомые пейзажи неслись за стеклом. Около часа – и автобус уже подъезжал к знакомой горсточке домиков недалеко от моря.

«Я дома! – подумал Ами. – Дома!»

Автобус высадил его, как всегда, на повороте, и Ами со всех ног понёсся к знакомым домикам. Вон его дом – с красной черепичной крышей, с бирюзовыми ставнями, с флюгером в виде чайки. А вон и самый красивый в мире дом – дом Майи, разрисованный её рукой: здесь и корабли, и русалки. А

перед домом – бескрайний, но уютный морской простор. Вон камень, на котором они любили сидеть, а вон коса, по которой гуляли... Ами не знал, куда бежать в первую очередь: к морю или в Майин дом. Чувства переполняли его. Ему было страшно услышать, что Майи больше нет...

Он пошёл к морю и сел на берег, обняв колени и прижав к груди книгу. Прохладный апрельский ветер трепал его волосы. Как же здесь хорошо! Но сердце его тут же сжалось при мысли, что он уже никогда не будет гулять по этому берегу с Майей.

Вдруг Ами заметил, как что-то ползёт по песку. Что-то яркое, и тащит за собой какой-то блестящий предмет.

Да это же Эрми! Ами вскочил на ноги.

– Эээрми! Неужели это ты?

– Ами! Я нашёл Серебряный Кулон.

Ами вдруг снова погрузился:

– Эрми, мне кажется, мы опоздали. Майя... Из её сердца сделали порошок!

– Не может быть! Получается, всё было зря... – произнёс Эрми.

Ами поднял с песка Серебряную Раковину и прижал к сердцу.

– Да, это она, та самая...

В это время какой-то силуэт отделился от домов. Когда он приблизился, стало понятно: мужчина нёс кого-то на шезлонге. Маленькая, прозрачная фигурка почти утонула в нём. Щёки её впали, личико заострилось и было бледным. Запястья были тонкими-тонкими, а глаза, обведённые тёмными кругами, большими-пребольшими. Ами пошёл навстречу мужчине.

– Майя...

Она смотрела на него и улыбалась бесконечно грустной слабой улыбкой. Она даже не могла ничего сказать. Её сердце почти всё было растрчено, радужный порошок действительно был из её сердца, но что-то ещё оставалось в нём, какой-то кусочек радуги переливался на дне её души.

– Она плоха, совсем плоха, – сказал отец. – Но надежда есть.

Желая хоть немного обрадовать Майю, Ами сказал:

– Смотри, кто у меня есть. – Он поднял Эрми и протянул Майе. Рак-отшельник ласково погладил девочку клешнёй по руке.

– А ещё вот что, – и Ами протянул Майе серебряный кулон в виде раковины.

– Это всё Эрми, ему спасибо.

Ами сидел на коленях возле шезлонга. Вместе с Майей они держали кулон, соприкасаясь руками. Рядом сидел маленький храбрый Эрми де Марин, Морской Рыцарь, потомок славного древнего рода де Маринов. Тихая улыбка светилась на лице Майи. И каждый чувствовал: он наконец-то дома.

